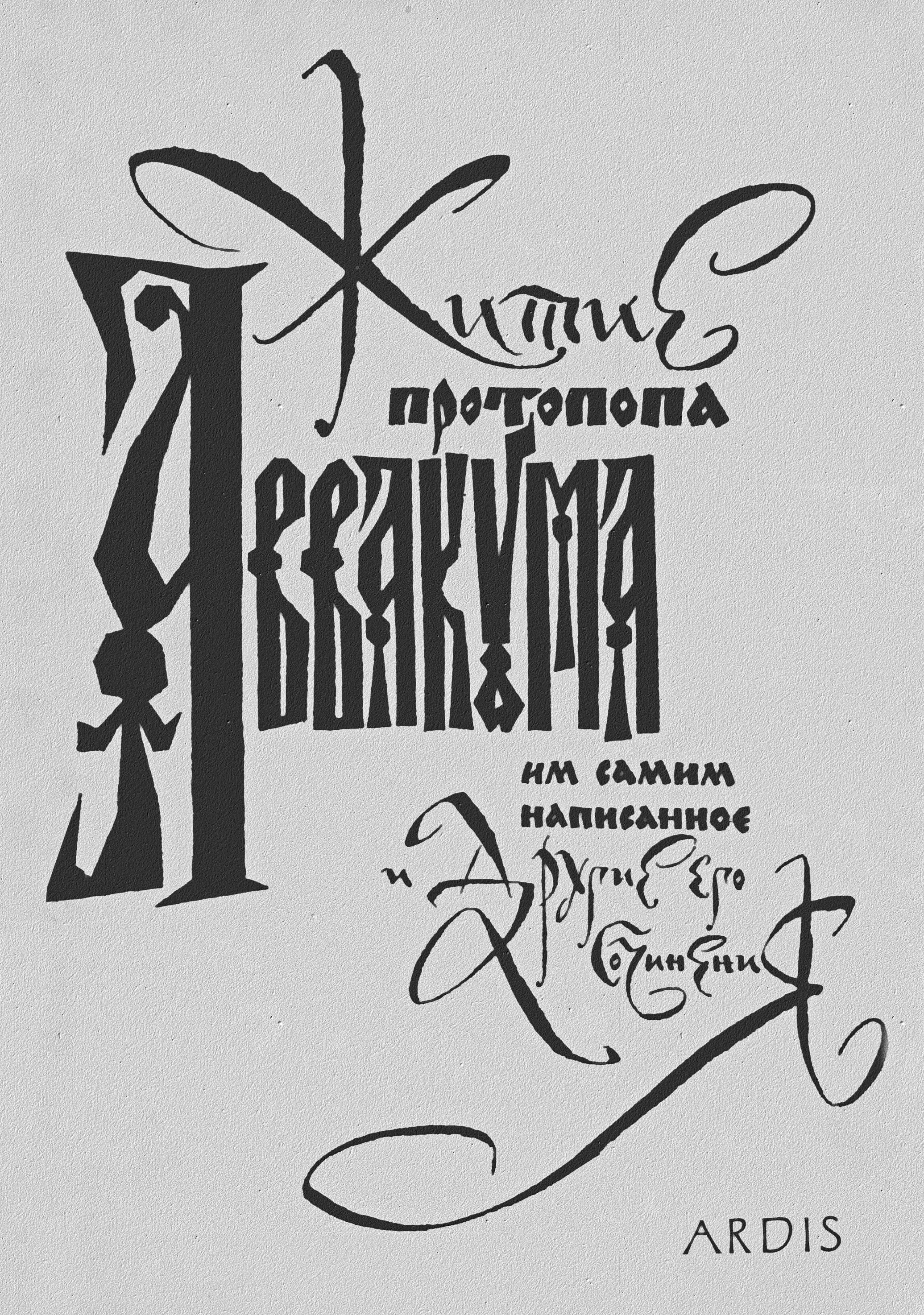

Житие
протопопа
Аввакума
им самим
написанное
и другие его
сочинения
ARDIS

Житие
протопопа
Аввакума
им самим
написанное
и другие его
сочинения
ARDIS

Ardis / Ann Arbor / 1983

ISBN 0-88233-853-6

Ardis
2901 Heatherway
Ann Arbor, Michigan 48104

[ПРЕДИСЛОВИЕ]

По благословению отца моего старца Епифания * писано моею рукою грешною протопопа Аввакума, и аще что реченно просто, и вы, господа ради, чтущии и слышащии, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных бог слушает, но дел наших хощет. И Павел пишет: «аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любви же не имам, — ничто же есмь» *. Вот что много рассуждать: не латинским языком, ни греческим, ни еврей-

ским, ниже иным коим ищет от нас говоры господь, но любви с прочими добродетельми хощет; того ради я и не брегу о красноречии и не уничижаю своего языка русскаго, но простите же меня, грешнаго, а вас всех рабов Христовых, бог простит и благословит. Аминь [1].

[ПРИСТУП]

Всесвятая троице, боже и содетелю всего мира! Поспеши и направи сердце мое начати с разумом и кончати делы благими, яже ныне хощу глаголати аз недостойный; разумея же свое невежество, припадая, молю ти ся и еже от тебя помощи прося: управи ум мой и утверди сердце мое приготовитися на творение добрых дел, да, добрыми делы просвещен, на судище десныя ти страны причастник буду

---

[1] *Предисловие в автографе отсутствует; приводится по списку редакции В* (л. 105/об.). *В этом же списке за выпиской из поучения аввы Дорофея* идут следующие обращения Аввакума:*

Вот вам, питомникам церковным, предлагаю житие свое от юности и до лет пятьдесят пяти годов. Авва Дорофей описал же свое житие ученикам своим, понуждая их на таяжде (поучение 4, лист 49), и я такожде, убеждая вашу любовь о Христе Исусе, господе нашем, сказываю вам деемая мною, непотребным рабом божиим, о святем дусе со отцем и сыном. Богу благодарение вовеки.

Вото тебе, чадо мое возлюбленное, книга живота вечнаго; поминай мя в молитвах своих и старца не забывай Епифания. Я писал, а он мне молитвами помогал; над всем же сим благословит тя господь и Марию твою Пиминовну, и чад ваших, и снох, и внучаток, и сродников, и знаемых, и други, и другиня, и вся вас любящия; еще же да будет всяк благословляяй тя благословен и проклинаяй тя — проклят; и да подаст ти господь от влаги земныя и от росы небесныя свыше и множа да умножит в дому твоем всякия красоты и благодати и да ясте ветхая ветхих и ветхая от лица новых изрините, сиречь всего изобильно и с остатками. Дай вам господи и хлеба, и мяса, и рыбы; от жен да ядят сия хлебы священныя!.. (л. 3/об.— л. 4). См. также комментарий, стр. 350—351.

со всеми избранными твоими. И ныне, владыко, благослови, да, воздохнув от сердца, и языком возглаголю Дионисия Ареопагита о божественных именех, что есть богу присносущные имена истинные, еже есть близостные, и что виновные, сиречь похвальные. Сия суть сущие: сый, свет, истинна, живот; только четыре свойственных, а виновных много; сия суть: господь, вседержитель, непостижим, неприступен, трисиянен, триипостасен, царь славы, непостоянен, огнь, дух, бог и прочая по тому разумевай.

Того ж Дионисия о истинне: себе бо отвержение истинны испадение есть, истинна бо сущее есть; аще бо истинна сущее есть, истинны испадение сущаго отвержение есть; от сущаго же бог испасти не может, и еже не быти — несть *.

Мы же речем: потеряли новолюбцы существо божие испадением от истиннаго господа, святаго и животворящаго духа. По Дионисию: коли уж истинны испали, тут и сущаго отверглися. Бог же от существа своего испасти не может, и еже не быти несть того в нем: присносущен истинный бог наш. Лучше бы им в символе веры не глаголати *господа,* виновнаго имени, а нежели *истиннаго* отсекати, в нем же существо божие содержится. Мы же, правовернии, обоя имена исповедаем: *и в духа святаго, господа, истиннаго и животворящаго* *, света нашего, веруем, со отцем и сыном покланяемаго, за него же стражем и умираем, помощию его владычнею. Тешит нас Дионисий Ареопагит, в книге ево сице пишет: сей убо есть воистинну истинный християнин, зане истинною разумев Христа и тем благоразумие стяжав, исступив убо себе, не сый в мирском их нраве и прелести, себя же весть трезвящеся и изменена всякаго прелестнаго неверия, не токмо даже до смерти бедствующе истинны ради, но и неведением скончевающеся всегда, разумом же живуще, и християне суть свидетельствуемы *. Сей Дионисий научен вере Христове от Павла апостола, живый во Афинах, прежде, даже не прийтти в веру Христову, хитрость имый ищитати беги небесныя; * егда ж верова Христови, вся сия вмених быти яко уметы. К Тимофею пишет в книге своей *, сице глаголя: «дитя, али не разумеешь, яко вся сия внешняя блядь ничто же суть, но токмо прелесть и

тля и пагуба? аз проидох делом и ничто ж обретох, но токмо тщету». Чтый да разумеет. Ищитати беги небесныя любят погибающии, понеже любви истинныя не прияша, воеже спастися им; и сего ради послет им бог действо льсти, воеже веровати им лжи, да суд приимут не веровавшии истинне, но благоволиша о неправде. (Чти Апостол, 275.) *

Сей Дионисий, еще не приидох в веру Христову, со учеником своим во время распятия господня быв в солнечном граде * и видев: солнце во тьму преложися и луна в кровь, звезды в полудне на небеси явилися черным видом. Он же ко ученику глагола: «или кончина веку прииде, или бог-слово плотию стражет»; понеже не по обычаю тварь виде изменену: и сего ради бысть в недоумении. Той же Дионисий пишет о солнечнем знамении, когда затмится: есть на небеси пять звезд заблудных, еже именуются луны. Сии луны бог положил не в пределех, яко ж и прочии звезды, но обтекают по всему небу, знамение творя или во гнев или в милость, по обычаю текуще. Егда заблудная звезда, еже есть луна, подтечет под солнце от запада и закроет свет солнечный, то солнечное затмение за гнев божий к людям бывает. Егда ж бывает, от востока луна подтекает, то по обычаю шествие творяще закрывает солнце.

А в нашей России бысть знамение: солнце затмилось в 162 году *, пред мором за месяц или меньши. Плыл Волгою рекою архиепископ Симеон Сибирской и в полудне тьма бысть перед Петровым днем недели за две; часа с три плачючи у берега стояли; солнце померче, от запада луна подтекала, по Дионисию, являя бог гнев свой к людям: в то время Никон отступник веру казил и законы церковныя, и сего ради бог излиял фиал гнева ярости своея на русскую землю; зело мор велик был *, неколи еще забыть, вси помним. Потом, минув годов с четырнатцеть, вдругорядь солнцу затмение было; в Петров пост, в пяток, в час шестый, тьма бысть; солнце померче, луна подтекала от запада же, гнев божий являя, и протопопа Аввакума, беднова горемыку, в то время с прочими остригли в соборной церкви власти и на Угреше в темницу, проклинав, бросили *. Верный разумеет, что делается в земли нашей за нестроение

церковное. Говорить о том полно; в день века познано будет всеми; потерпим до тех мест.

Той же Дионисий пишет о знамении солнца, како бысть при Исусе Наввине во Израили. Егда Исус секий иноплеменники, и бысть солнце противо Гаваона, еже есть на полднях, ста Исус крестообразно, сиречь распростре руце свои, и ста солнечное течение, дондеже враги погуби. Возвратилося солнце к востоку, сиречь назад отбежало, и паки потече, и бысть во дни том и в нощи тридесеть четыре часа, понеже в десятый час отбежало; так в сутках десять часов прибыло. И при Езекии царе бысть знамение: оттече солнце вспять во вторый на десять час дня, и бысть во дни и в нощи тридесять шесть часов. Чти книгу Дионисиеву, там пространно уразумеешь *.

Он же Дионисий пишет о небесных силах *, росписует, возвещая, како хвалу приносят богу, разделяяся деветь чинов на три троицы. Престоли, херувими и серафими освящение от бога приемлют и сице восклицают: благословенна слава от места господня! И чрез их преходит освящение на вторую троицу, еже есть господства, начала, власти; сия троица, славословя бога, восклицают: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! По алфавиту, *аль* отцу, *иль* сыну, *уйя* духу святому. Григорий Нисский толкует: аллилуйя — хвала богу; а Василий Великий пишет: аллилуйя — ангельская речь, человечески рещи — слава тебе, боже! До Василия пояху во церкви ангельския речи: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! Егда же бысть Василий, и повеле пети две ангельския речи, а третьюю, человеческую, сице: аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже! У святых согласно, у Дионисия и у Василия; трижды воспевающе, со ангелы славим бога, а не четыржи, по римской бляди; мерско богу четверичное воспевание сицевое: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже! Да будет проклят сице поюще. Паки на первое возвратимся. Третьяя троица, силы, архангели, ангели, чрез среднюю троицу освящение приемля, поют: свят, свят, свят господь Саваоф, исполнь небо и земля славы его! Зри: тричислено и сие воспевание *. Пространно пречистая богородица протолковала о аллилуйи, явилася ученику Ефросина Псков-

скаго, именем Василию. Велика во аллилуйи хвала богу, а от зломудрствующих досада велика,— по-римски святую троицу в четверицу глаголют *, духу и от сына исхождение являют; * зло и проклято се мудрование богом и святыми. Правоверных избави боже сего начинания злаго, о Христе Исусе, господе нашем, ему же слава ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Афанасий Великий рече: иже хощет спастися, прежде всех подобает ему держати кафолическая вера, ея же аще кто целы и непорочны не соблюдает, кроме всякаго недоумения, во веки погибнет. Вера ж кафолическая сия есть, да единаго бога в троице и троицу во единице почитаем, ниже сливающе составы, ниже разделяюще существо; ин бо есть состав отечь, ин — сыновень, ин — святаго духа; но отчее, и сыновнее, и святаго духа едино божество, равна слава, соприсущно величество; яков отец, таков сын, таков и дух святый; вечен отец, вечен сын, вечен и дух святый; не создан отец, не создан сын, не создан и дух святый; бог отец, бог сын, бог и дух святый не три бози, но един бог; не три несозданнии, но един несозданный, един вечный. Подобне: вседержитель отец, вседержитель сын, вседержитель и дух святый. Равне: непостижим отец, непостижим сын, непостижим и дух святый. Обаче не три вседержители, но един вседержитель: не три непостижимии, но един непостижимый, един пресущный. И в сей святей троице ничтоже первое или последнее, ничтоже более или менее, но целы три составы и соприсносущны суть себе и равны. Особно бо есть отцу нерождение, сыну же рождение, а духу святому исхождение: обще же им божество и царство *. (Нужно бо есть побеседовати и о вочеловечении бога-слова к вашему спасению.) За благость щедрот излия себе от отеческих недр сын-слово божие в деву чисту богоотроковицу, егда время наставало, и воплотився от духа свята и Марии девы, вочеловечився, нас ради пострадал, и воскресе в третий день, и на небо вознесеся, и седе одесную величествия на высоких и хощет паки приитти судити и воздати комуждо по делом его, его же царствию несть конца *. И сие смотрение в бозе бысть прежде, даже не соз-

датися Адаму, прежде, даже не вообразитися. (Совет отечь.) Рече отец сынови: сотворим человека по образу нашему и по подобию. И отвеща другий: сотворим, отче, и преступит бо. И паки рече: о единородный мой! о свете мой! о сыне и слове! о сияние славы моея! аще промышляеши созданием своим, подобает ти облещися в тлимаго человека, подобает ти по земли ходити, плоть[1] восприяти, пострадати и вся совершити. И отвеща другий: буди, отче, воля твоя. И посем создася Адам. Аще хощеши пространно разумети, чти Маргарит: * Слово о вочеловечении; там обрящеши. Аз кратко помянул, смотрение показуя. Сице всяк веруяй в онь не постыдится, а не веруяй осужден будет и во веки погибнет, по вышереченному Афанасию. Сице аз, протопоп Аввакум, верую, сице исповедаю, с сим живу и умираю.

[ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ]

Рождение же мое в нижегороцких пределех, за Кудмою рекою, в селе Григорове *. Отец ми бысть священник Петр, мати — Мария, инока Марфа. Отец же мой прилежаше пития хмельнова; мати же моя постница и молитвеница бысть, всегда учаше мя страху божию. Аз же некогда видев у соседа скотину умершу, и той нощи, восставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся нощи молитися. Потом мати моя овдовела, а я осиротел молод и от своих соплеменник во изгнании быхом. Изволила мати меня женить. Аз же пресвятей богородице молихся, да даст ми жену помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина ж, беспрестанно обыкла ходить

[1] Плоть — вписано, возможно, Епифанием вместо заключенного в скобки слова «апостолы».

в церковь,— имя ей Анастасия. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо; а егда умре, после ево вся истощилось. Она же в скудости живяше и моляшеся богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; и бысть по воли божии тако. Посем мати моя отыде к богу в подвизе велице. Аз же от изгнания преселихся во ино место *. Рукоположен во дьяконы двадесяти лет с годом, и по дву летех в попы поставлен; живый в попех осьмь лет, и потом совершен в протопопы православными епископы *,— тому двадесеть лет минуло; и всего тридесят лет, как имею священство [1].

А егда в попах был, тогда имел у себя детей духовных много,— по се время сот с пять или с шесть будет. Не почивая, аз, грешный, прилежа во церквах, и в домех, и на распутиях, по градом и селам, еще же и в царствующем граде и во стране сибирской проповедуя и уча слову божию,— годов будет тому с полтретьяцеть *.

Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица многими грехми обремененна, блудному делу и малакии всякой повинна; нача мне, плакавшеся, подробну возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горько мне бысть в той час: зажег три свещи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжение, и, отпустя девицу, сложа ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен. Время же, яко полнощи, и пришед во свою избу, плакався пред образом господним, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да же отлучит мя бог от детей духовных, понеже бремя тяшко, неудобь носимо. И падох на землю на лицы своем, рыдаше горце и забыхся, лежа; не вем, как плачю; а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: пловут стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на них сидельцов. И я спросил: «чье корабли?» И оне отвещали: «Лукин

[1] *После этих слов в редакции В:* а от рода на шестой десяток идет (л. 10/об.).

и Лаврентиев». Сии быша ми духовныя дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончалися богоугодне. А се потом вижу третей корабль, не златом украшен, но разными пестротами,— красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо,— его же ум человечь не вмести красоты его и доброты; юноша светел, на корме сидя, правит; бежит ко мне из-за Волги, яко пожрати мя хощет. И я вскричал — «чей корабль?» И сидяй на нем отвещал: «твой корабль! да плавай на нем с женою и детьми, коли докучаешь!» И я вострепетах и седше рассуждаю: что се видимое? и что будет плавание?

А се по мале времени, по писанному, «объяша мя болезни смертныя, беды адавы обретоша мя: скорбь и болезнь обретох» *. У вдовы начальник отнял дочерь, и аз молих его, да же сиротину возвратит к матери, и он, презрев моление наше, и воздвиг на мя бурю, и у церкви, пришед сонмом, до смерти меня задавили. И аз лежа мертв полчаса и больши, и паки оживе божиим мановением. И он, устрашася, отступился мне девицы. Потом научил ево дьявол: пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах, а я молитву говорю в то время.

Таже ин начальник, во ино время, на мя рассвирепел,— прибежал ко мне в дом, бив меня, и у руки отгрыз персты, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань ево крови, тогда руку мою испустил из зубов своих и, покиня меня, пошел в дом свой. Аз же, поблагодаря бога, завертев руку платом, пошел к вечерне. И егда шел путем, наскочил на меня он же паки со двема малыми пищальми и, близ меня быв, запалил из пистоли, и божиею волею на полке порох пыхнул, а пищаль не стрелила. Он же бросил ея на землю и из другия паки запалил так же,— и та пищаль не стрелила. Аз же прилежно, идучи, молюсь богу, единою рукою осенил ево и поклонился ему. Он меня лает, а ему рекл: «благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!» [1] Посем

---

[1] *После этих слов в редакции Б:* Сердитовал на меня за церковную службу: ему хочется скоро, а я пою по уставу, не борзо; так ему было досадно * (л. 11/об.).

двор у меня отнял, а меня выбил, всево ограбя, и на дорогу хлеба не дал.

В то же время родился сын мой Прокопей, которой сидит с матерью в земле закопан *. Аз же, взяв клюшку, а мати — некрещенова младенца, побрели, амо же бог наставит [1], и на пути крестили, яко же Филипп каженика древле *. Егда ж аз прибрел к Москве *, к духовнику протопопу Стефану и к Неронову протопопу Иванну *, они же обо мне царю известиша, и государь меня почал с тех мест знати. Отцы же с грамотою паки послали меня на старое место, и я притащился — ано и стены разорены моих храмин. И я паки позавелся, а дьявол и паки воздвиг на меня бурю. Прийдоша в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и [у]хари и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял,— одново ушиб, и паки ожил, а другова отпустил в поле *. И за сие меня Василей Петрович Шереметев, пловучи Волгою в Казань * на воеводство, взяв на судно и браня много, велел благословить сына своего Матфея бритобратца. Аз же не благословил, но от писания ево и порицал, видя блудолюбный образ *. Боярин же, гораздо осердясь, велел меня бросить в Волгу и, много томя, протолкали. А опосле учинились добры до меня: у царя на сенях со мною прощались; * а брату моему меньшому бояроня Васильева и дочь духовная была *. Так-то бог строит своя люди.

На первое возвратимся. Таже ин начальник на мя рассвирепел: приехав с людьми ко двору моему, стрелял из луков и из пищалей с приступом. А аз в то время, запер-

---

[1] *После этих слов в редакции В:* а сами, пошед, запели божественные песни, евангельскую стихеру большим роспевом. «На гору ученикоm идущим за земное вознесение предста господь и поклонишася ему», всю до конца; а пред нами образ несли. Певцов в дому моем было много; поюще со слезами, на небо взираем; а провождающии жители того места, мужи, и жены, и отрочата, множество народа, с рыданием плачюще и сокрушающе мое сердце, далече нас провожали в поле. Аз же, на обычном месте став и хвалу богу воздав, поучение прочет и, благословя, насилу в дом их возвратил, а с домашними впредь побрели (л. 12/об.— л. 13).

шися, молился с воплем ко владыке: «господи, укроти ево и примири, ими же веси судьбами!» И побежал от двора, гоним святым духом. Таже в нощь ту прибежали от него и зовут меня со многими слезами: «батюшко-государь! Евфимей Стефанович при кончине и кричит неудобно, бьет себя и охает, а сам говорит: дайте мне батька Аввакума! за него бог меня наказует!» И я чаял, меня обманывают; ужасеся дух мой во мне. А се помолил бога сице: «ты, господи, изведый мя из чрева матере моея, и от небытия в бытие мя устроил! Аще меня задушат, и ты причти мя с Филиппом, митрополитом Московским; * аще зарежут, и ты причти мя с Захариею пророком;* а буде в воду посадят, и ты, яко Стефана Пермскаго, паки свободишь мя!» * И моляся, поехал в дом к нему, Евфимию. Егда ж привезоша мя на двор, выбежала жена ево Неонила и ухватила меня под руку, а сама говорит: «подит-ко, государь наш батюшко, поди-тко, свет наш кормилец!» И я сопротив тово: «чюдно! давеча был блядин сын, а топерва — батюшко! Большо у Христа тово остра шелепуга та; скоро повинился муж твой!» Ввела меня в горницу. Вскочил с перины Евфимей, пал пред ногама моима, вопит неизреченно: «прости, государь, согрешил пред богом и пред тобою!» А сам дрожит весь. И я ему сопротиво: «хошеши ли впредь цел быти?» Он же лежа, отвеща: «ей, честный отче!» И я рек: «востани! бог простит тя!» Он же, наказан гораздо, не мог сам востати. И я поднял и положил ево на постелю, и исповедал, и маслом священным помазал, и бысть здрав. Так Христос изволил. И наутро отпустил меня честно в дом мой, и с женою быша ми дети духовныя, изрядныя раби Христовы. Так-то *господь гордым противится, смиренным же дает благодать* *.

Помале паки инии изгнаша мя от места того вдругоряд. Аз же сволокся к Москве *, и божиею волею государь меня велел в протопопы поставить в Юрьевец-Повольской. И тут пожил немного, — только осьмь недель; дьявол научил попов, и мужиков, и баб, — пришли к патриархову приказу, где я дела духовныя делал, и, вытаща меня из приказа собранием, — человек с тысящу и с полторы их

было,— среди улицы били батожьем и топтали; * и бабы были с рычагами. Грех ради моих, замертва убили и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибежали и, ухватя меня, на лошеди умчали в мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставил. Людие же ко двору приступают, и по граду молва велика. Наипаче ж попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: «убить вора, блядина сына, да и тело собакам в ров кинем!» Аз же, отдохня, в третей день ночью, покиня жену и дети, по Волге сам-третей ушел к Москве. На Кострому прибежал,— ано и тут протопопа ж Даниила изгнали *. Ох, горе! везде от дьявола житья нет! Прибрел к Москве, духовнику Стефану показался; и он на меня учинился печален: на што-де церковь соборную покинул? Опять мне другое горе! Царь пришел к духовнику благословитца ночью; меня увидел тут; опять кручина: на што-де город покинул? — А жена, и дети, и домочадцы, человек с дватцеть, в Юрьевце остались: неведомо — живы, неведомо — прибиты! Тут паки горе.

Посем Никон, друг наш, привез из Соловков Филиппа митрополита *. А прежде его приезду Стефан духовник, моля бога и постяся седмицу с братьею,— и я с ними тут же,— о патриархе, да же даст бог пастыря ко спасению душ наших, и с митрополитом казанским Корнилием, написав челобитную за руками, подали царю и царице — о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах *. Он же не восхотел сам и указал на Никона митрополита. Царь ево и послушал, и пишет к нему послание навстречю: * преосвященному митрополиту Никону новгороцкому и великолуцкому и всея Русии радоватися, и прочая. Егда ж приехал, с нами яко лис: челом да «здоро́во!». Ведает, что быть ему в патриархах, и чтобы откуля помешка какова не учинилась. Много о тех кознях говорить! [1] Егда

---

[1] *После этих слов в редакции В:* Царь его на патриаршество зовет, а он бытто не хочет *, мрачил царя и людей, а со Анною по ночам укладывают * как чему быть и много пружався со дьяволом, взошел на патриаршество божиим попущением, укрепя царя своим кознованием и клятвою лукавою (л. 15/об.).

поставили патриархом *, так друзей не стал и в крестовую пускать *. А се и яд отрыгнул; в пост великой прислал память к Казанской к Неронову Иванну. А мне отец духовной был; я у нево все и жил в церкве: егда куды отлучится, ино я ведаю церковь. И к месту, говорили, на дворец к Спасу, на Силино покойника место; да бог не изволил. А се и у меня радение худо было. Любо мне, у Казанские тое держался, чел народу книги. Много людей приходило.— В памети Никон пишет: «год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает во церкви метания творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и трема персты бы есте крестились» *. Мы же задумалися, сошедшеся между собою; видим, яко зима хощет быти; сердце озябло, и ноги задрожали. Неронов мне приказал церковь, а сам един скрылся в Чюдов *,— седмицу в полатке молился. И там ему от образа глас бысть * во время молитвы: «время приспе страдания, подобает вам неослабно страдати!» Он же мне плачучи сказал; таже коломенскому епископу Павлу, его же Никон напоследок огнем жжег в новгороцких пределех; * потом — Данилу, костромскому протопопу; таже сказал и всей братье. Мы же с Данилом, написав из книг выписки о сложении перст и о поклонех, и подали государю; много писано было; он же, не вем где, скрыл их; мнитмися, Никону отдал *.

После тово вскоре схватав Никон Даниила в монастыре за Тверскими вороты *, при царе остриг голову и, содрав однарятку, ругая, отвел в Чюдов в хлебню и, муча много, сослал в Астрахань. Венец тернов на главу ему там возложили, в земляной тюрьме и уморили. После Данилова стрижения взяли другова, темниковскаго Даниила ж протопопа, и посадили в монастыре у Спаса на Новом *. Таже протопопа Неронова Иванна — в церкве скуфью снял и посадил в Симанове монастыре, опосле сослал на Вологду, в Спасов Каменной монастырь, потом в Кольской острог *. А напоследок, по многом страдании, изнемог бедной,— принял три перста, да так и умер *. Ох, горе! *всяк мняйся стоя, да блюдется, да ся не падет* *. Люто

время, по реченному господем, *аще возможно духу антихристову прельстити и избранныя* *. Зело надобно крепко молитися богу, да спасет и помилует нас, яко благ и человеколюбец.

Таже меня взяли от всенощнаго Борис Нелединской со стрельцами; человек со мною с шестьдесят взяли: их в тюрьму отвели, а меня на патриархове дворе на чепь посадили ночью. Егда ж россветало в день недельный, посадили меня на телегу, и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря * и тут на чепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дни, ни ел, ни пил; во тьме сидя, кланялся на чепи, не знаю — на восток, не знаю — на запад *. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. Бысть же я в третий день приалчен,— сиречь есть захотел,— и после вечерни ста предо мною, не вем — ангел, не вем — человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил и лошку в руки дал и хлебца немношко и штец дал похлебать,— зело прикусны, хороши! — и рекл мне: «полно, довлеет ти ко укреплению!» Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно только — человек; а что ж ангел? ино нечему дивитца — везде ему не загорожено. На утро архимарит с братьею пришли и вывели меня; журят мне, что патриарху не покорился, а я от писания ево браню да лаю. Сняли большую чепь да малую наложили. Отдали чернцу под начал, велели волочить в церковь. У церкви за волосы дерут, и под бока толкают, и за чепь торгают, и в глаза плюют. Бог их простит в сий век и в будущий: не их то дело, но сатаны лукаваго. Сидел тут я четыре недели.

В то время после меня взяли Логина, протопопа муромскаго: в соборной церкви, при царе, остриг[1] в обедню *. Во время переноса снял патриарх со главы у архидьякона дискос и поставил на престол с телом Христовым;

[1] *После этих слов в редакции В:* его овчеобразный волк (л. 17/об.—л. 18).

а с чашею архимарит чюдовской Ферапонт вне олтаря, при дверех царских стоял. Увы рассечения тела Христова, пущи жидовскаго действа! * Остригше, содрали с него однарятку и кафтан. Логин же разжегся ревностию божественнаго огня, Никона порицая, и чрез порог в олтарь в глаза Никону плевал; распоясався, схватя с себя рубашку, в олтарь в глаза Никону бросил; и чюдно! — растопоряся рубашка и покрыла на престоле дискос, бытто воздух. А в то время и царица в церкве была. На Логина возложили чепь и, таща из церкви, били метлами и шелепами до Богоявленскова монастыря и кинули в полатку нагова, и стрельцов на карауле поставили накрепко стоять. Ему ж бог в ту нощь дал шубу новую да шапку; и на утро Никону сказали, и он, россмеявся, говорит: «знаю-су я пустосвятов тех!» — и шапку у нево отнял, а шубу ему оставил.

Посем паки меня из монастыря водили пешева на патриархов двор, также руки ростяня, и, стязався много со мною, паки также отвели. Таже в Никитин день ход со кресты *, а меня паки на телеге везли против крестов. И привезли к соборной церкве стричь и держали в обедню на пороге долго. Государь с места сошел и, приступя к патриарху, упросил. Не стригше, отвели в Сибирской приказ и отдали дьяку Третьяку Башмаку, что ныне стражет же по Христе, старец Саватей, сидит на Новом, в земляной же тюрьме. Спаси ево, господи! и тогда мне делал добро *.

[ССЫЛКА В СИБИРЬ]

Таже послали меня в Сибирь с женою и детьми. И колико дорогою нужды бысть, тово всево много говорить, разве малая часть помянуть. Протопопица младенца родила, — больную в телеге и повезли до Тоболь-

ска; * три тысящи верст недель с тринатцеть волокли телегами и водою и саньми половину пути *.

Архиепископ в Тобольске к месту устроил меня *. Тут у церкви великия беды постигоша меня: в полтара годы пять слов государевых сказывали на меня *, и един некто, архиепископля двора дьяк Иван Струна, тот и душею моею потряс. Съехал архиепископ к Москве, а он без нево, дьявольским научением, напал на меня: церкви моея дьяка Антония мучить напрасно захотел. Он же, Антон, утече у него и прибежал во церковь ко мне. Той же Струна Иван, собрався с людьми, во ин день прииде ко мне в церковь,— а я вечерню пою,— и вскочил в церковь, ухватил Антона на крылосе за бороду. А я в то время двери церковныя затворил и замкнул и никово не пустил,— один он Струна в церкве вертится, что бес. И я, покиня вечерню, с Антоном посадил ево среди церкви на полу и за церковной мятеж постегал ево ременем нарочито-таки; а прочии, человек с двацеть, вси побегоша, гоними духом святым. И покаяние от Струны приняв, паки отпустил ево к себе. Сродницы же Струнины, попы и чернцы, весь возмутили град, да како меня погубят. И в полунощи привезли сани ко двору моему, ломилися в ызбу, хотя меня взять и в воду свести. И божиим страхом отгнани быша и побегоша вспять *. Мучился я с месяц, от них бегаючи втай; иное в церкве ночюю, иное к воеводе уйду *[1], а иное в тюрьму просился,— ино не пустят. Провожал меня много Матфей Ломков, иже и Митрофан именуем в чернцах,— опосле на Москве у Павла митрополита ризничим был, в соборной церкви с дьяконом Афонасьем меня стриг: * тогда добр был, а ныне дьявол ево поглотил. Потом приехал архиепископ с Москвы и правильною виною ево, Струну, на чепь посадил за сие: некий человек с дочерью кровосмешение сотворил, а он, Струна, полтину взяв и, не наказав мужика, отпустил. И владыка

---

[1] *После этих слов в редакции В:* Княгиня меня в сундук посылала: «я-де, батюшко, над тобой сяду, как-де придут тебя искать к нам». И воевода от них мятежников боялся, лишо плачет, на меня глядя (л. 19/об.).

ево сковать приказал и мое дело тут же помянул *. Он же, Струна, ушел к воеводам в приказ и сказал «слово и дело государево» на меня *. Воеводы отдали ево сыну боярскому лутчему, Петру Бекетову, за пристав *. Увы, погибель на двор Петру пришла. Еще же и душе моей горе тут есть. Подумав архиепископ со мною, по правилам за вину кровосмешения стал Струну проклинать в неделю православия в церкве большой. Той же Бекетов Петр, пришед в церковь, браня архиепископа и меня, и в той час из церкви пошед, взбесился, ко двору своему идучи, и умре горькою смертию зле. И мы со владыкою приказали тело ево среди улицы собакам бросить, да же гражданя оплачют согрешение его. А сами три дни прилежне стужали божеству, да же в день века отпустится ему. Жалея Струны, такову себе пагубу приял. И по трех днех владыка и мы сами честне тело его погребли. Полно тово плачевнова дела говорить.

Посем указ пришел: велено меня из Тобольска на Лену вести за сие, что браню от писания и укоряю ересь Никонову *. В та же времена пришла ко мне с Москвы грамотка. Два брата жили у царицы вверху, а оба умерли в мор и с женами и с детьми: и многия друзья и сродники померли. Излиял бог на царство фиял гнева своего! Да не узнались горюны однако,— церковью мятут. Говорил тогда и сказывал Неронов царю три пагубы за церковной раскол: мор, меч, разделение: * то и сбылось во дни наша ныне. Но милостив господь: наказав, покаяния ради и помилует нас, прогнав болезни душ наших и телес, и тишину подаст. Уповаю и надеюся на Христа: ожидаю милосердия его и чаю воскресения мертвым.

Таже сел опять на корабль свой, еже и показан ми, что выше сего рекох,— поехал на Лену *. А как приехал в Енисейской *, другой указ пришел: велено в Дауры вести — дватцеть тысящ и больши будет от Москвы *. И отдали меня Афонасью Пашкову в полк,— людей с ним было 6 сот человек: и грех ради моих суров человек: беспрестанно людей жжет, и мучит, и бьет *. И я ево много уговаривал, да и сам в руки попал. А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня.

Егда поехали из Енисейска *, как будем в большой Тунгуске реке *, в воду загрузило бурею дощеник мой совсем: налился среди реки полон воды, и парус изорвало,— одны полубы над водою, а то все в воду ушло. Жена моя на полубы из воды робят кое-как вытаскала, простоволоса ходя *. А я, на небо глядя, кричю: «господи, спаси! господи, помози!» И божиею волею прибило к берегу нас. Много о том говорить! На другом дощенике двух человек сорвало, и утонули в воде. Посем, оправяся на берегу, и опять поехали вперед.

Егда приехали на Шаманской порог, навстречю приплыли люди иные к нам, а с ними две вдовы — одна лет в 60, а другая и больши: пловут пострищись в монастырь. А он, Пашков, стал их ворочать и хочет замуж одать. И я ему стал говорить: «по правилам не подобает таковых замуж давать». И чем бы ему, послушав меня, и вдов отпустить, а он вздумал мучить меня, осердясь. На другом, Долгом пороге * стал меня из дощеника выбивать: «для-де тебя дощеник худо идет! еретик-де ты! поди-де по горам, а с казаками не ходи!» О, горе стало! Горы высокия, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заломя голову! В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы — перие красное, вороны черные, а галки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята индейские, и бабы, и лебеди, и иные дикие — многое множество птицы разные. На тех же горах гуляют звери многие дикие: козы, и олени, изубри, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие — во очию нашу, а взять нельзя! На те горы выбивал меня Пашков, со зверьми, и со змиями, и со птицами витать. И аз ему малое писанейце написал, сице начало: «человече! убойся бога, седящаго на херувимех и призирающаго в безны, его же трепещут небесныя силы и вся тварь со человеки, един ты презираешь и неудобство показуешь»,— и прочая: там многонько писано: и послал к нему *. А се бегут человек с пятьдесят: взяли мой дощеник и помчали к нему,— версты три от него стоял. Я казакам каши наварил да кормлю их: и оне, бедные, и едят и дрожат, а иные, глядя, плачют на меня, жалеют по

мне. Привели дощеник: взяли меня палачи, привели перед него. Он со шпагою стоит и дрожит: начал мне говорить: «поп ли ты или роспоп?»; и аз отвещал: «аз есмь Аввакум протопоп; говори: что тебе дело до меня?» Он же рыкнул, яко дивий зверь, и ударил меня по щоке, таже по другой и паки в голову, и сбил меня с ног и, чекан ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разболокши, по той же спине семьдесят два удара кнутом. А я говорю: «господи Исусе Христе, сыне божий, помогай мне!» Да то ж, да то ж беспрестанно говорю. Так горько ему, что не говорю: «пощади!» Ко всякому удару молитву говорил, да осреди побой вскричал я к нему: «полно бить тово!» Так он велел перестать. И я промолыл ему: «за что ты меня бьешь? ведаешь ли?» И он паки велел бить по бокам, и отпустили. Я задрожал, да и упал. И он велел меня в казенной дощеник оттащити: сковали руки и ноги и на беть кинули. Осень была, дождь на меня шел, всю нощь под капелию лежал. Как били, так не больно было с молитвою тою; а лежа, на ум взбрело: «за что ты, сыне божий, попустил меня ему таково больно убить тому? Я веть за вдовы твои стал! Кто даст судию между мною и тобою? Когда воровал, и ты меня так не оскорблял, а ныне не вем, что согрешил!» Бытто доброй человек — другой фарисей с говенною рожею,— со владыкою судитца захотел! Аще Иев и говорил так *, да он праведен, непорочен, а се и писания не разумел, вне закона, во стране варварстей, от твари бога познал. А я первое — грешен, второе — на законе почиваю и писанием отвсюду подкрепляем, *яко многими скорбьми подобает нам внити во царство небесное* *, а на такое безумие пришел! Увы мне! Ка̀к дощеник-от в воду ту не погряз со мною? Стало у меня в те поры кости те щемить и жилы те тянуть, и сердце зашлось, да и умирать стал. Воды мне в рот плеснули, так вздохнул да покаялся пред владыкою, а господь-свет милостив: не поминает наших беззакониих первых покаяния ради; и опять не стало ништо болеть.

Наутро кинули меня в лотку и напредь повезли. Егда приехали к порогу, к самому большему, Падуну,— река о том месте шириною с версту, три залавка чрез всю реку

зело круты, не воротами што попловет, ино в щепы изломает *,— меня привезли под порог. Сверху дождь и снег, а на мне на плеча накинуто кафтанишко просто; льет вода по брюху и по спине,— нужно было гораздо. Из лотки вытаща, по каменью скована окол порога тащили. Грустко гораздо, да душе добро: не пеняю уж на бога вдругорят. На ум пришли речи, пророком и апостолом реченныя: «сыне, не пренемогай наказанием господним, ниже ослабей, от него обличаем. Его же любит бог, того наказует; биет же всякаго сына, его же приемлет. Аще наказание терпите, тогда яко сыном обретается вам бог. Аще ли без наказания приобщаетеся ему, то выблядки, а не сынове есте» *. И сими речьми тешил себя.

Посем привезли в Брацкой острог * и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филипова поста * в студеной башне; там зима в те поры живет, да бог грел и без платья. Что собачка, в соломке лежу: коли накормят, коли нет [1]. Мышей много было, я их скуфьею бил,— и батошка не дадут дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: «прости!» — да сила божия возбранила,— велено терпеть. Перевел меня в теплую избу, и я тут с аманатами и собаками жил скован зиму всю. А жена с детьми верст с дватцеть была сослана от меня. Баба ея Ксенья мучила зиму ту всю, — лаяла да укоряла. Сын Иван — невелик был — прибрел ко мне побывать после Христова рождества, и Пашков велел кинуть в студеную тюрьму, где я сидел: начевал милой и замерз было тут. И на утро опять велел

---

[1] *После этих слов в редакции В:* Есть тово после побой тех хочется, да ведь-су неволя то есть: как пожалуют, дадут. Да бесчинники ругались надо мною: иногда одново хлебца дадут, а иногда ветчинки одное невареной, иногда масла коровья без хлеба же. Я таки что собака, так и ем. Не умывался веть, да и кланятися не смог, лише на крест Христов погляжу, да помолитвую. Караульщики по пяти человек одаль стоят. Щелка на стене была,— собачка ко мне по вся дни приходила, да поглядит на меня; яко Лазаря во гною у вратех богатаго * пси облизаху гной его, отраду ему чинили, так и я со своею собачкою поговаривал, а человецы далече окрест меня ходят и поглядеть на тюрьму не смеют (л. 24/об.).

к матери протолкать. Я ево и не видал. Приволокся к матери,— руки и ноги ознобил.

На весну паки поехали впредь. Запасу небольшое место осталось, а первой разграблен весь: и книги и одежда иная отнята была, а иное и осталось. На Байкалове море паки тонул. По Хилке * по реке заставил меня лямку тянуть: зело нужен ход ею был,— и поесть было неколи, нежели спать. Лето целое мучилися. От водяные тяготы люди изгибали, и у меня ноги и живот синь был. Два лета в водах бродили, а зимами чрез волоки волочилися. На том же Хилке в третьее тонул. Барку от берегу оторвало водою,— людские стоят, а мою ухватило, да и понесло! Жена и дети остались на берегу, а меня сам-друг с кормщиком помчало. Вода быстрая, переворачивает барку вверх боками и дном; а я на ней ползаю, а сам кричю: «владычице, помози! упование, не утопи!» Иное ноги в воде, а иное выползу наверх. Несло с версту и больши; да люди переняли. Все розмыло до крохи! Да што петь делать, коли Христос и пречистая богородица изволили так? Я, вышед из воды, смеюсь; а люди-те охают, платье мое по кустам развешивая, шубы отласные и тафтяные, и кое-какие безделицы тое много еще было в чемоданах да в сумах; все с тех мест перегнило — наги стали. А Пашков меня же хочет опять бить: «ты-де над собою делаешь за посмех!» И я паки свету-богородице докучать: «владычице, уйми дурака тово!» Так она-надежа уняла: стал по мне тужить.

Потом доехали до Иргеня озера: * волок тут,— стали зимою волочитца. Моих работников отнял, а иным у меня нанятца не велит. А дети маленьки были, едоков много, а работать некому: один бедной горемыка-протопоп нарту сделал и зиму всю волочился за волок [1]. Весною на пло-

---

[1] *После этих слов в редакции В:* У людей и собаки в подпряшках, а у меня не было; одинова лишо двух сынов,— маленьки еще были, Иван и Прокопей,— тащили со мною, что кобельки, за волок нарту. Волок — верст со сто: насилу бедные и перебрели. А протопопица муку и младенца за плечами на себе тащила; а дочь Огрофена брела, брела, да на нарту и взвалилась, и братья ея со мною помаленьку тащили. И смех

тах по Ингоде реке * поплыли на низ. Четвертое лето от Тобольска плаванию моему. Лес гнали хоромной и городовой. Стало нечева есть; люди учали с голоду мереть и от работныя водяныя бродни. Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие — огонь да встряска, люди голодные: лишо станут мучить — ано и умрет! [1] Ох, времени тому! Не знаю, как ум у него отступился. У протопопицы моей однарятка московская была, не сгнила, — по-русскому рублев в полтретьяцеть * и больши по-тамошнему. Дал нам четыре мешка ржи за нея, и мы год-другой тянулися, на Нерче реке * живучи, с травою перебиваючися. Все люди с голоду поморил, никуды не отпускал промышлять, — осталось небольшое место; по степям скитающеся и по полям, траву и корение копали, а мы — с ними же; а зимою — сосну; а иное кобылятины бог даст, и кости находили от волков пораженных зверей, и что волк не доест, мы то доедим. А иные и самых озяблых ели волков, и лисиц, и что получит — всякую скверну. Кобыла жеребенка родит, а голодные втай и жеребенка и место скверное кобылье съедят. А Пашков, сведав, и кнутом до смерти забьет. И кобыла умерла, — все извод взял, понеже не по чину жеребенка тово вытащили из нея: лишо голову появил, а оне и выдернули, да и почали кровь скверную есть. Ох, времени тому! И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тех *, а с прочими, скитающеся по го-

---

и горе, как помянутся дние оны: робята те изнемогут и на снег повалятся, а мать по кусочку пряничка им даст, и оне, съедши, опять лямку потянут; и кое-как перебилися волок, да под сосною и жить стали, что Авраам у дуба мамврийска *. Не пустил нас и в засеку Пашков сперва, дондеже натешился, и мы неделю-другую мерзли под сосною с робяты одны, кроме людей, на бору, и потом в засеку пустил и указал мне место. Так мы с робяты отгородились, балаганец сделав, огонь курили и как до воды домаялись (л. 26 — л. 26/об.).

[1] *После этих слов в редакции В:* И без битья насилу человек дышит, с весны по одному мешку солоду дано на десять человек на все лето, да петь работай, никуды на промысл не ходи; и верьбы, бедной, в кашу ущипать сбродит — и за то палкою по лбу: не ходи, мужик, умри на работе! Шестьсот человек было, всех так-то перестроил (л. 26/об.).

рам и по острому камению, наги и боси, травою и кореніем перебивающеся, кое-как мучилися. И сам я, грешной, волею и неволею причастен кобыльим и мертвечьим звериным и птичьим мясам. Увы грешной душе! *Кто даст главе моей воду и источник слез* *, да же оплачю бедную душу свою, юже зле погубих житейскими сластьми? Но помогала нам по Христе боляроня, воеводская сноха, Евдокея Кириловна, да жена ево, Афонасьева, Фекла Симеоновна: оне нам от смерти голодной тайно давали отраду, без ведома ево,— иногда пришлют кусок мясца, иногда колобок, иногда мучки и овсеца, колько сойдется, четверть пуда и гривенку-другую, а иногда и полпудика накопит и передаст, а иногда у коров корму из корыта нагребет. Дочь моя, бедная горемыка Огрофена, бродила втай к ней под окно. И горе, и смех! — иногда робенка погонят от окна без ведома бояронина, а иногда и многонько притащит. Тогда невелика была; а ныне уж ей 27 годов,— девицею, бедная моя, на Мезени, с меньшими сестрами перебиваяся кое-как, плачючи живут. А мать и братья в земле закопаны сидят *. Да што же делать? пускай горькие мучатся все ради Христа! Быть тому так за божиею помощию. На том положено, ино мучитца веры ради Христовы. Любил, протопоп, со славными знатца, люби же и терпеть, горемыка, до конца. Писано: «не начный блажен, но скончавай» *. Полно тово; на первое возвратимся.

Было в Даурской земле нужды великие годов с шесть и семь, а во иные годы отрадило. А он, Афонасей, наветуя мне, беспрестанно смерти мне искал. В той же нужде прислал ко мне от себя две вдовы,— сенныя ево любимые были,— Марья да Софья, одержимы духом нечистым. Ворожа и колдуя много над ними, и видит, *яко ничто же успевает, но паче молва бывает* *,— зело жестоко их бес мучит, бьются и кричат; призвал меня и поклонился мне, говорит: «пожалуй, возьми их ты и попекися об них, бога моля; послушает тебя бог». И я ему отвещал: «господине! выше меры прошение; но за молитв святых отец наших вся возможна суть богу». Взял их, бедных. Простите! Во

искусе то на Руси бывало, — человека три-четыре бешаных приведших бывало в дому моем, и, за молитв святых отец, отхождаху от них беси, действом и повелением бога живаго и господа нашего Исуса Христа, сына божия-света. Слезами и водою покроплю и маслом помажу, молебная певше во имя Христово, и сила божия отгоняше от человек бесы, и здрави бываху, не по достоинству моему, — ни никако же, — но по вере приходящих. Древле благодать действоваше ослом при Валааме, и при Улиане мученике — рысью, и при Сисинии — оленем: говорили человеческим гласом *. *Бог идеже хощет, побеждается естества чин* *. Чти житие Феодора Едесскаго, тамо обрящеши: и блудница мертваго воскресила *. В Кормчей * писано: не всех дух святый рукополагает, но всеми, кроме еретика, действует. Таже привели ко мне баб бешаных; я, по обычаю, сам постился и им не давал есть, молебствовал, и маслом мазал, и, как знаю, действовал; и бабы о Христе целоумны и здравы стали. Я их исповедал и причастил. Живут у меня и молятся богу; любят меня и домой не йдут. Сведал он, что мне учинилися дочери духовные, осердился на меня опять пущи старова, — хотел меня в огне жжечь: «ты-де выведываешь мое тайны!» А как петь-су причастить не исповедав? А не причастив бешанова, ино беса совершенно не отгонишь. Бес-от веть не мужик: батога не боится; боится он креста Христова, да воды святыя, да священнаго масла, а совершенно бежит от тела Христова. Я, кроме сих тайн, врачевать не умею. В нашей православной вере без исповеди не причащают; в римской вере творят так, — не брегут о исповеди; а нам, православие блюдущим, так не подобает, но на всяко время покаяние искати. Аще священника, нужды ради, не получишь, и ты своему брату искусному возвести согрешение свое, и бог простит тя, покаяние твое видев, и тогда с правильцом причащайся святых таин. Держи при себе запасный агнец. Аще в пути или на промыслу, или всяко прилучится, кроме церкви, воздохня пред владыкою и, по вышереченному, ко брату исповедався, с чистою совестию причастися святыни: так хорошо будет! По посте и по правиле пред образом Хри-

стовым на коробочку постели платочик и свечку зажги, и в сосудце водицы маленько, да на ложечку почерпни и часть тела Христова с молитвою в воду на лошку положи и кадилом вся покади, поплакав, глаголи: «верую, господи, и исповедую, яко ты еси Христос сын бога живаго, пришедый в мир грешники спасти, от них же первый есмь аз. Верую, яко воистинну се есть самое пречистое тело твое, и се есть самая честная кровь твоя. Его же ради молю ти ся, помилуй мя и прости ми и ослаби ми согрешения моя, вольная и невольная, яже словом, яже делом, яже ведением и неведением, яже разумом и мыслию, и сподоби мя неосужденно причаститися пречистых ти таинств во оставление грехов и в жизнь вечную, яко благословен еси во веки. Аминь». Потом, падше на землю пред образом, прощение проговори и, восстав, образы поцелуй и, прекрестясь, с молитвою причастися и водицею запей и паки богу помолись *. Ну, слава Христу! Хотя и умрешь после тово, ино хорошо. Полно про то говорить. И сами знаете, что доброе добро. Стану опять про баб говорить.

Взял Пашков бедных вдов от меня; бранит меня вместо благодарения. Он чаял: Христос просто положит; ано пущи и старова стали беситца. Запер их в пустую избу, ино никому приступу нет к ним; призвал к ним чернова попа, и оне ево дровами бросают,— и поволокся прочь. Я дома плачю, а делать не ведаю что. Приступить ко двору не смею: больно сердит на меня. Тайно послал к ним воды святыя, велел их умыть и напоить, и им, бедным, легче стало. Прибрели сами ко мне тайно, и я помазал их во имя Христово маслом, так опять, дал бог, стали здоровы и опять домой пошли да по ночам ко мне прибегали тайно молитца богу. Изрядные детки стали, играть перестали и правильца держатца стали [1]. На Москве с боявронею в Вознесенском монастыре вселились *. Слава о них богу!

Таже с Нерчи реки паки назад возвратилися к Русе *. Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне под

---

[1] Слово «стали» написано, возможно, рукой Епифания.

робят и под рухлишко дал две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убивающеся о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошедей не смеем, а за лошедьми итти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится, — кольско гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «матушка-государыня, прости!» А протопопица кричит: «что ты, батько, меня задавил?» Я пришол, — на меня, бедная, пеняет, говоря: «долго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя до смерти!» Она же вздохня, отвещала: «добро, Петрович, ино еще побредем».

Курочка у нас черненька была; по два яичка на день приносила робяти на пищу, божиим повелением нужде нашей помогая; бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили по грехом. И нынеча мне жаль курочки той, как на разум прийдет. Ни курочка, ни што чюдо была: во весь год по два яичка на день давала; сто рублев при ней плюново дело, железо! А та птичка одушевлен[н]а, божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую из котла тут же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала; а нам против тово по два яичка на день давала. Слава богу, вся строившему благая! А не просто нам она и досталася. У боярони * куры все переслепли и мереть стали; так она, собравше в короб, ко мне их прислала, чтоб-де батько пожаловал — помолился о курах. И я-су подумал: кормилица то есть наша, детки у нея, надобно ей курки. Молебен пел, воду святил, куров кропил и кадил; потом в лес сбродил, корыто им сделал, из чево есть, и водою покропил, да к ней все и отслал. Куры божиим мановением исцелели и исправилися по вере ея. От тово-то племяни и наша курочка была. Да полно тово говорить! У Христа не сегодни так повелось. Еще Козьма и Дамиян человеком и скотом благодействовали и целили о Христе. Богу вся надобно: и скотинка и птичка во славу его, пречистаго владыки, еще же и человека ради.

Таже приволоклись паки на Иргень озеро. Бояроня пожаловала,— прислала сковородку пшеницы, и мы кутьи наелись. Кормилица моя была Евдокея Кириловна, а и с нею дьявол ссорил, сице: сын у нея был Симеон,— там родился, я молитву давал и крестил, на всяк день присылала ко мне на благословение, и я, крестом благословя и водою покропя, поцеловав ево, и паки отпущу; дитя наше здраво и хорошо. Не прилучилося меня дома; занемог младенец. Смалодушничав, она, осердясь на меня, послала робенка к шептуну-мужику. Я, сведав, осердился ж на нея, и меж нами пря велика стала быть. Младенец пущи занемог; рука правая и нога засохли, что батошки. В зазор пришла; не ведает, что делать, а бог пущи угнетает. Робеночек на кончину пришел. Пестуны, ко мне приходя, плачют; а я говорю: «коли баба лиха, живи же себе одна!» А ожидаю покаяния ея. Вижу, яко ожесточил диявол сердце ея; припал ко владыке, чтоб образумил ея. Господь же, премилостивый бог, умяхчил ниву сердца ея: прислала на утро сына среднева Ивана ко мне,— со слезами просит прощения матери своей, ходя и кланяяся около печи моей. А я лежу под берестом наг на печи, а протопопица в печи, а дети кое-где: в дождь прилучилось, одежды не стало, а зимовье каплет,— всяко мотаемся. И я, смиряя, приказываю ей: «вели матери прощения просить у Орефы колдуна». Потом и больнова принесли, велела перед меня положить; и все плачют и кланяются. Я-су встал, добыл в грязи патрахель и масло священное нашол. Помоля бога и покадя, младенца помазал маслом и крестом благословил. Робенок, дал бог, и опять здоров стал,— с рукою и с ногою. Водою святою ево напоил и к матери послал. Виждь, слышателю, покаяние матерне колику силу сотвори: душу свою изврачевала и сына исцелила! Чему быть? — не сегодни кающихся есть бог! На утро прислала нам рыбы да пирогов, а нам то, голодным, надобе. И с тех мест помирилися. Выехав из Даур, умерла, миленькая, на Москве; я и погребал в Вознесенском монастыре. Сведал то и сам Пашков про младенца,— она ему сказала. Потом я к нему пришел. И он, поклоняся низенько мне, а сам говорит:

«спаси бог! отечески творишь,— не помнишь нашева зла» [1]. И в то время пищи довольно прислал.

А опосле тово вскоре хотел меня пытать; слушай, за что. Отпускал он сына своево Еремея в Мунгальское царство * воевать,— казаков с ним 72 человека да иноземцов 20 человек,— и заставил иноземца шаманить, сиречь гадать: удастлися им и с победою ли будут домой? Волхв же той мужик, близ моего зимовья, привел барана живова в вечер и учал над ним волхвовать, вертя ево много, и голову прочь отвертел и прочь отбросил. И начал скакать, и плясать, и бесов призывать и, много кричав, о землю ударился, и пена изо рта пошла. Беси давили ево, а он спрашивал их: «удастся ли поход?» И беси сказали: «с победою великою и с богатством большим будете назад». И воеводы ради, и все люди радуяся говорят: «богаты приедем!» Ох, душе моей тогда горько и ныне не сладко! Пастырь худой погубил своя овцы, от горести забыл реченное во Евангелии, егда Зеведеевичи на поселян жестоких советовали: «господи, хощеши ли, речеве, да огнь снидет с небесе и потребит их, яко же и Илия сотвори». Обращжеся Исус и рече им: «не веста, коего духа еста вы; сын бо человеческий не прииде душ человеческих погубити, но спасти. И идоша во ину весь» *. А я, окаянной, сделал не так. Во хлевине своей кричал с воплем ко господу: «послушай мене, боже! послушай мене, царю небесный, свет, послушай меня! да не возвратится вспять ни един от них, и гроб им там устроиши всем, приложи им зла, господи, приложи, и погибель им наведи, да не сбудется пророчество дьявольское!» И много тово было говорено. И втайне о том же бога молил. Сказали ему, что я так молюсь, и он лишо излаял меня. Потом отпустил с войским сына своего. Ночью поехали по звездам. В то время жаль мне их: видит душа моя, что им побитым быть, а сам таки на них погибели молю. Иные, приходя, прощаются ко мне; а я им говорю: «погибнете там!» Как поехали, лошади под ними взоржали

---

[1] *После этих слов в редакции В:* Внучок ему любимой был младенец сей, крестил ево сам, так об нем кручинился гораздо (л. 35).

вдруг, и коровы тут взревели, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы, что собаки, завыли; ужас на всех напал. Еремей весть со слезами ко мне прислал: чтоб батюшко-государь помолился за меня. И мне ево стало жаль. А се друг мне тайной был и страдал за меня. Как меня кнутом отец ево бил, и стал разговаривать отцу, так со шпагою погнался за ним. А как приехали после меня на другой порог, на Падун, 40 дощеников все прошли в ворота, а ево, Афонасьев, дощеник,— снасть добрая была, и казаки все шесть сот промышляли о нем, а не могли взвести,— взяла силу вода, паче же рещи — бог наказал! Стащило всех в воду людей, а дощеник на камень бросила вода; чрез ево льется, а в нево не йдет. Чюдо, как то бог безумных тех учит! Он сам на берегу, бояроня в дощенике. И Еремей стал говорить: «батюшко, за грех наказует бог! напрасно ты протопопа тово кнутом тем избил; пора покаятца, государь!» Он же рыкнул на него, яко зверь, и Еремей, к сосне отклонясь, прижав руки, стал, а сам, стоя, «господи помилуй!» говорит. Пашков же, ухватя у малова колешчатую пищаль,— никогда не лжет,— приложася на сына, курок спустил, и божиею волею осеклася пищаль. Он же, поправя порох, опять спустил, и паки осеклась пищаль. Он же и в третьи также сотворил; пищаль и в третьии осеклася же. Он ее на землю и бросил. Малой, подняв, на сторону спустил; так и выстрелила! А дощеник единаче на камени под водою лежит. Сел Пашков на стул, шпагою подперся, задумався и плакать стал, а сам говорит: «согрешил, окаянной, пролил кровь неповинну, напрасно протопопа бил; за то меня наказует бог!» Чюдно, чюдно! по писанию: «яко косен бог во гнев, а скор на послушание»; дощеник сам, покаяния ради, сплыл с камени и стал носом против воды; потянули, он и взбежал на тихое место тотчас. Тогда Пашков, призвав сына к себе, промолыл ему: «прости, барте, Еремей, правду ты говоришь!» Он же, прискоча, пад, поклонився отцу и рече: «бог тебя, государя, простит! я пред богом и пред тобою виноват!» И взяв отца под руку, и повел. Гораздо Еремей разумен и добр человек: уж у него и своя седа борода, а гораздо почитает отца

и боится его. Да по писанию и надобе так: бог любит тех детей, которые почитают отцов. Виждь, слышателю, не страдал ли нас ради Еремей, паче же ради Христа и правды его? А мне сказывал кормщик ево, Афонасьева, дощеника,— тут был,— Григорей Тельной. На первое возвратимся.

Отнеле же отошли, поехали на войну. Жаль стало Еремея мне: стал владыке докучать, чтоб ево пощадил. Ждали их с войны,— не бывали на срок. А в те поры Пашков меня и к себе не пускал. Во един от дней учредил застенок и огнь росклал — хочет меня пытать. Я ко исходу душевному и молитвы проговорил; ведаю ево стряпанье,— после огня тово мало у него живут. А сам жду по себя и, сидя, жене плачющей и детям говорю: «воля господня да будет! *Аще живем, господеви живем; аще умираем, господеви умираем»* *. А се и бегут по меня два палача. Чюдно дело господне и неизреченны судьбы владычни! Еремей ранен сам-друг дорошкою мимо избы и двора моево едет, и палачей вскликал и воротил с собою. Он же, Пашков, оставя застенок, к сыну своему пришел, яко пьяной с кручины. И Еремей, поклоняся со отцем, вся ему подробну возвещает: как войско у него побили все без остатку, и как ево увел иноземец от мунгальских людей по пустым местам, и как по каменным горам в лесу, не ядше, блудил седмь дней,— одну съел белку,— и как моим образом человек ему во сне явился и, благословя ево, указал дорогу, в которую страну ехать; он же, вскоча, обрадовался и на путь выбрел. Егда он отцу россказывает, а я пришел в то время поклонитися им. Пашков же, возвед очи свои на меня,— слово в слово что медведь морской белой, жива бы меня проглотил, да господь не выдаст! — вздохня, говорит: «так-то ты делаешь? Людей тех погубил столько!» А Еремей мне говорит: «батюшко, поди, государь, домой! молчи для Христа!» Я и пошел [1]. Десеть лет он меня мучил * или я ево — не знаю; бог разберет в день века.

---

[1] *После этих слов в редакции Б:* ничево не говоря,— Христом запечатлел уста моя Еремей! (л. 39).

[ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РУСЬ]

Перемена ему пришла, и мне грамота: велено ехать на Русь. Он поехал, а меня не взял; умышлял во уме своем: «хотя-де один и поедет, и ево-де убьют иноземцы [1]. Он в дощениках со оружием и с людьми плыл, а слышал я, едучи, от иноземцов: дрожали и боялись. А я, месяц спустя после ево, набрав старых и больных и раненых, кои там негодны, человек с десяток, да я с женою и с детьми — семнатцеть нас человек, в лотку седше, уповая на Христа и крест поставя на носу, поехали *, амо же бог наставит, ничево не бояся [2]. Книгу Кормчию дал прикащику, и он мне мужика кормщика дал. Да друга моего выкупил, Василия, которой там при Пашкове на людей ябедничал и крови проливал и моея головы искал; в ыную пору, бивше меня, на кол было посадил, да еще бог сохранил! А после Пашкова хотели ево казаки до смерти убить. И я выпрося у них Христа ради, а прикащику выкуп дав, на Русь ево вывез, от смерти к животу,— пускай ево, беднова! — либо

---

[1] *Вместо:* «хотя-де один и поедет, и ево-де убьют иноземцы» — *в редакции В:* умышлял во уме, чаял, меня без него и не вынесет бог, а се и сам я убоялся с ним плыть; на поезде говорил: «здесь-де земля не взяла, на дороге-де вода у меня приберет»; среди моря бы велел с судна пехнуть, а сказал бы, бытто сам ввалился; того ради и сам я с ним не порадел (л. 33/об.).

[2] *После этих слов в редакции В:* А во иную пору и боялись, человецы бо есмы; да где же стало детца, однако смерть! Бывало то и на Павла апостола; сам о себе свидетельствует сице: «внутрь убо страх, а вне убо боязнь»; а в ином месте: «уже бо-де не надеяхомся и живи быти, но господь избавил мя есть и избавляет» *. Так-то и наша бедность: аще не господь помогал бы, в мале вселися бы во ад душа моя. И Давид глаголет: «яко аще не бы господь в нас, внегда востати человеком на ны, убо живы пожерли быша нас» *, но господь всяко избавил мя есть и доныне избавляет; мотаюсь, яко плевел посреде пшеницы, посреде добрых людей, а инде посреде волков, яко овечка, или посреде псов, яко заяц, всяко перебиваюсь о Христе Исусе; но грызутся еретики, что собаки, а без божии воли проглотити не могут; да воля господня — что бог даст, то и будет. Без смерти и мы не будем; надобно бы что доброе то сделать и с чем бы появит[ь]ся пред владыку, а то умрем всяко. Полно о сем (л. 34 — л. 34/об.).

покаятся о гресех своих. Да и другова такова же увез замотая. Сего не хотели мне выдать; а он ушел в лес от смерти и, дождався меня на пути, плачючи, кинулся мне в карбас. Ано за ним погоня! Деть стало негде. Я-су,— простите! — своровал: яко Раав блудная во Ерихоне Исуса Наввина людей, спрятал ево *, положа на дно в судне, и постелею накинул, и велел протопопице и дочери лечи на нево. Везде искали, а жены моей с места не тронули,— лишо говорят: «матушка, опочивай ты, и так ты, государыня, горя натерпелась!» — А я,— простите бога ради,— лгал в те поры и сказывал: «нет ево у меня!» — не хотя ево на смерть выдать. Поискав, да и поехали ни с чем; а я ево на Русь вывез. Старец да и раб Христов, простите же меня, что я лгал тогда. Каково вам кажется? не велико ли мое согрешение? При Рааве блуднице, она, кажется, так же сделала, да писание ея похваляет за то. И вы, бога ради, порассудите: буде грехотворно я учинил, и вы меня простите; а буде церковному преданию не противно, ино и так ладно. Вот вам и место оставил: припишите своею рукою мне, и жене моей, и дочери или прощение или епитимию, понеже мы за одно воровали — от смерти человека ухоронили, ища ево покаяния к богу. Судите же так, чтоб нас Христос не стал судить на страшном суде сего дела. Припиши же что-нибудь, старец.

<Бог да простит тя и благословит в сем веце и в будущем, и подружию твою Анастасию, и дщерь вашу, и весь дом ваш. Добро сотворили есте и праведно. Аминь.> [1]

Добро, старец, спаси бог на милостыни! Полно тово [2].

---

[1] Приписка Епифания.

[2] *В редакции Б вместо слов:* «Да друга моего выкупил... Полно тово» — Да друга своего ябедника вывес, которой моея головы там искал научением сатаны. Хотели ево после Пашкова войским убить; так я ево отпросил у них; пожаловали, отдали мне, и я ево, кормя, вывес на Русь. Не слаще и он мне, Василей, Пашкова там был; в иную пору, бьючи меня, на рожен было посадил; да бог ево простит! Надобе Евангелие помнить реченное: «любите враги ваша и благотворите» *, и прочая. Я бы и Никона отступника простил, как бы он покаялся о блудни своей ко Христу; ино лиха не та птица: залетела

Прикащик же мучки гривенок с тритцеть дал, да коровку, да овечок пять-шесть, мясцо иссуша; и тем лето питалися, пловучи. Доброй прикащик человек, дочь у меня Ксенью крестил. Еще при Пашкове родилась, да Пашков не дал мне мира и масла, так не крещена долго была,— после ево крестил. Я сам жене своей и молитву говорил и детей крестил с кумом с прикащиком, да дочь моя большая кума, а я у них поп. Тем же обрасцом и Афанасия сына крестил и, обедню служа на Мезени, причастил. И детей своих исповедывал и причащал сам же, кроме жены своея; есть о том в правилех,— велено так делать. А что запрещение то отступническое *, и то я о Христе под ноги кладу, а клятвою тою,— дурно молыть! — гузно тру. Меня благословляют московские святители Петр, и Алексей, и Иона, и Филипп *,— я по их книгам верую богу моему чистою совестию и служу; а отступников отрицаюся и клену,— враги они божии, не боюсь я их, со Христом живучи! Хотя на меня каменья накладут, я со отеческим преданием и под каменьем лежу, не токмо под шпынскою воровскою никонияискою клятвою их. А што много говорить? Плюнуть на действо то и службу ту их, да и на книги те их новоизданныя,— так и ладно будет! Станем говорить, како угодити Христу и пречистой богородице, а про воровство их полно говорить. Простите, барте, никонияне, что избранил вас; живите, как хочете. Стану опять про свое горе говорить, как вы меня жалуете-подчиваете: 20 лет тому уж прошло; еще бы хотя столько же бог пособил помучитца от вас, ино бы и было с меня, о господе бозе и спасе нашем Исусе Христе! А затем сколько Христос даст, только и жить. Полно тово,— и так далеко забрел. На первое возвратимся.

Поехали из Даур, стало пищи скудать и с братиею бога помолили, и Христос нам дал изубря, большова зве-

---

в пустыя дебри непроходимыя, возвратитися не хощет; питается червьми и змиями и на селах рожцы ядше со свиниями, а ко отцу возвратитися не хощет и не уйдет от руки господни. Пущай его еще поиграет! Полно тово (л. 40—л. 40/об.).

ря,— тем и до Байкалова моря доплыли. У моря русских людей наехала станица соболиная, рыбу промышляет; рады, миленькие, нам, и с карбасом нас, с моря ухватя, далеко на гору несли Терентьюшко с товарищи; плачют, миленькие, глядя на нас, а мы на них. Надавали пищи сколько нам надобно: осетроф с сорок свежих перед меня привезли, а сами говорят: «вот, батюшко, на твою часть бог в запоре нам дал,— возьми себе всю!» Я, поклонясь им и рыбу благословя, опять им велел взять: «на што мне столько?» Погостя у них, и с нужду запасцу взяв, лотку починя и парус скропав, чрез море пошли. Погода окинула на море, и мы гребми перегреблись: * не больно о том месте широко,— или со сто, или с осьмдесят верст. Егда к берегу пристали, востала буря ветренная, и на берегу насилу место обрели от волн. Около ево горы высокие, утесы каменные и зело высоки,— дватцеть тысящ верст и больши волочился, а не видал таких нигде. Наверху их полатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменная и дворы,— все богоделанно. Лук на них ростет и чеснок,— больши романовскаго * луковицы, и слаток зело. Там же ростут и конопли богорасленныя, а во дворах травы красныя и цветны и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем — осетры, и таймени, стерледи, и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия в нем: во окиане-море большом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем: осетры и таймени жирни гораздо,— нельзя жарить на сковороде: жир все будет. А все то у Христа тово света наделано для человеков, чтоб, упокояся, хвалу богу воздавал. *А человек, суете которой уподобится, дние его, яко сень, преходят;* * скачет, яко козел; раздувается, яко пузырь; гневается, яко рысь; съесть хощет, яко змия; ржет, зря на чюжую красоту, яко жребя; лукавует, яко бес; насыщаяся довольно, без правила спит; бога не молит; отлагает покаяние на старость и потом исчезает и не вем, камо отходит: или во свет, или во тьму,— день судный коегождо явит. Простите мя, аз согрешил паче всех человек.

Таже в русские грады приплыл и уразумел о церкви, *яко ничто ж успевает, но паче молва бывает*. Опечаляся, сидя, рассуждаю: что сотворю? проповедаю ли слово божие или скроюся где? Понеже жена и дети связали меня. И виде меня печальна, протопопица моя приступи ко мне со опрятством и рече ми: «что, господине, опечалился еси?» Аз же ей подробну известих: «жена, что сотворю? зима еретическая на дворе; говорить ли мне или молчать? — связали вы меня!» Она же мне говорит: «господи помилуй! что ты, Петрович, говоришь? Слыхала я,— ты же читал,— апостольскую речь: «привязался еси жене, не ищи разрешения; егда отрешишися, тогда не ищи жены» *. Аз тя и с детьми благословляю: дерзай проповедати слово божие по-прежнему, а о нас не тужи; дондеже бог изволит, живем вместе; а егда разлучат, тогда нас в молитвах своих не забывай; силен Христос и нас не покинут! Поди, поди в церковь, Петрович,— обличай блудню еретическую!» Я-су ей за то челом и, отрясше от себя печальную слепоту, начах по-прежнему слово божие проповедати и учити по градом и везде, еще же и ересь никониянскую со дерзновением обличал.

В Енисейске зимовал и паки, лето плывше, в Тобольске зимовал. И до Москвы едучи, по всем городам и по селам, во церквах и на торгах кричал, проповедая слово божие, и уча, и обличая безбожную лесть. Таже приехал к Москве. Три годы ехал из Даур *, а туды волокся пять лет против воды; на восток все везли, промежду иноземских орд и жилищ. Много про то говорить! Бывал и в ыноземских руках. На Оби великой реке предо мною 20 человек погубили християн, а надо мною думав, да и отпустили совсем. Паки на Иртише реке собрание их стоит: ждут березовских наших с дощеником и побить. А я, не ведаючи, и приехал к ним и, приехав, к берегу пристал: оне с луками и обскочили нас. Я-су, вышед, обниматца с ними, што с чернцами, а сам говорю: «Христос со мною, а с вами той же!» И оне до меня и добры стали и жены своя к жене моей привели. Жена моя также с ними лицемеритца, как в мире лесть совершается; и бабы удоб-

рилися. И мы то уже знаем: как бабы бывают добры, так и все о Христе бывает добро. Спрятали мужики луки и стрелы своя, торговать со мною стали,— медведен я у них накупил,— да и отпустили меня. Приехав в Тоболеск, сказываю; ино люди дивятся тому, понеже всю Сибирь башкирцы с татарами воевали тогда. А я, не разбираючи, уповая на Христа, ехал посреде их. Приехал на Верхотурье,— Иван Богданович Камынин *, друг мой, дивится же мне: «как ты, протопоп, проехал?» А я говорю: «Христос меня пронес, и пречистая богородица провела; я не боюсь никово; одново боюсь Христа».

[В МОСКВЕ И МОНАСТЫРЯХ]

Таже к Москве приехал, и, яко ангела божия, прияша мя государь и бояря,— все мне ради. К Федору Ртищеву зашел: * он сам из полатки выскочил ко мне, благословился от меня, и учали говорить много-много,— три дни и три ночи домой меня не отпустил и потом царю обо мне известил. Государь меня тотчас к руке поставить велел и слова милостивые говорил: «здорово ли-де, протопоп, живешь? еще-де видатца бог велел!» И я сопротив руку ево поцеловал и пожал, а сам говорю: «жив господь, и жива душа моя, царь-государь; а впредь что изволит бог!» Он же, миленькой, вздохнул, да и пошел, куды надобе ему. И иное кое-что было, да што много говорить? Прошло уже то! Велел меня поставить на монастырском подворье в Кремли и, в походы мимо двора моево ходя, кланялся часто со мною низенько-таки, а сам говорит: «благослови-де меня и помолися о мне!» И шапку в ыную пору, мурманку, снимаючи с головы, уронил, едучи верхом. А из кореты высунется, бывало, ко мне. Таже и все бояря после ево челом да челом: «протопоп, благослови

и молися о нас!» Как-су мне царя тово и бояр тех не жалеть? Жаль, о-су! видишь, каковы были добры! Да и ныне оне не лихи до меня; дьявол лих до меня, а человеки все до меня добры. Давали мне место, где бы я захотел, и в духовники звали, чтоб я с ними соединился в вере; аз же вся сия яко уметы вменил, да Христа приобрящу, и смерть поминая, яко вся сия мимо идет.

А се мне в Тобольске в тонце сне страшно возвещено (блюдися, от меня да не полма растесан будеши). Я вскочил и пал пред иконою во ужасе велице, а сам говорю: «господи, не стану ходить, где по-новому поют, боже мой!» Был я у завтрени в соборной церкви на царевнины имянины,— шаловал с ними в церкве той при воеводах; да с приезду смотрил у них просвиромисания дважды или трожды, в олтаре у жертвеника стоя, а сам им ругался; а как привык ходить, так и ругатца не стал,— что жалом, духом антихристовым и ужалило было. Так меня Христос-свет попужал и рече ми: «по толиком страдании погибнуть хощешь? блюдися, да не полма рассеку тя!» Я и к обедне не пошел и обедать ко князю пришел и вся подробну им возвестил. Боярин, миленькой, князь Иван Андреевич Хилков, плакать стал. И мне, окаянному, много столько божия благодеяния забыть? *[1]

Егда в Даурах я был, на рыбной промысл к детям по льду зимою по озеру бежал на базлуках; там снегу не живет, морозы велики живут, и льды толсты намерзают,—

---

[1] *Этот абзац в редакции В читается так:* А се мне в Тобольске в тонце сне страшно возвещено было. Ходил в церковь большую и смотрил в олтаре у них действа, как просвиры вынимают: что тараканы, просвиру исщиплют. И я им говорил от писания и ругался их безделью. А егда привык ходить, так и говорить перестал,— что жалом ужалило: молчать было захотел. В царевнины имянины, от заутрени пришед, взвалился. Так мне сказано: «аль-де и ты по толиких бедах и напастех соединяесься с ними? блюдися, да не полма растесан будешь!» Я вскочил во ужасе велице и пал пред иконою, говорю: «господи, не стану ходить, где по-новому поют!» Да и не пошел к обедни к той церкве. Ко иным ходил церквам, где православное пение, и народы учил, обличая их злобесовное и прелестное мудрование (л. 36/об.— л. 37).

блиско человека толщины; пить мне захотелось и, гараздо от жажды томим, итти не могу; среди озера стало: воды добыть нельзя, озеро верст с восьмь; стал, на небо взирая, говорить: «господи, источивый из камени в пустыни людям воду, жаждущему Израилю, тогда и днесь ты еси! напой меня, ими же веси судьбами, владыко, боже мой!» Ох, горе! не знаю, как молыть; простите, господа ради! Кто есмь аз? умерый пес! — Затрещал лед предо мною и расступился, чрез все озеро сюду и сюду и паки снидеся: гора великая льду стала, и, дондеже уряжение бысть, аз стах на обычном месте * и, на восток зря, поклонихся дважды или трижды, призывая имя господне краткими глаголы из глубины сердца. Оставил мне бог пролубку маленьку, и я, падше, насытился. И плачю и радуюся, благодаря бога. Потом и пролубка содвинулася, и я, востав, поклоняся господеви, паки побежал по льду куды мне надобе, к детям. Да и в прочии времена в волоките моей так часто у меня бывало. Идучи, или нарту волоку, или рыбу промышляю, или в лесе дрова секу, или ино что творю, а сам и правило в те поры говорю, вечерню, и завтреню, или часы — што прилучится. А буде в людях бывает неизворотно, и станем на стану, а не по мне таварищи, правила моево не любят, а идучи мне нельзя было исполнить, и я, отступя людей под гору или в лес, коротенько сделаю — побьюся головою о землю, а иное и заплачется, да так и обедаю. А буде жо по мне люди, и я, на сошке складеньки поставя, правильца поговорю; иные со мною молятся, а иные кашку варят. А в санях едучи, в воскресныя дни на подворьях всю церковную службу пою, а в рядовыя дни, в санях едучи, пою; а бывало, и в воскресныя дни, едучи, пою. Егда гораздо неизворотно, и я хотя немношко, а таки поворочю. Яко же тело алчуще желает ясти и жаждуще желает пити, так и душа, отче мой Епифаний, брашна духовнаго желает; не глад хлеба, ни жажда воды погубляет человека; но глад велий человеку — бога не моля, жити.

Бывало, отче, в Даурской земле,— аще не поскучите послушать с рабом тем Христовым, аз, грешный, и то воз-

вещу вам,— от немощи и от глада великаго изнемог в правиле своем, всего мало стало, только павечернишные псалмы, да полунощницу, да час первой, а больши тово ничево не стало; так, что скотинка, волочюсь; о правиле том тужу, а принять ево не могу; а се уже и ослабел. И некогда ходил в лес по дрова, а без меня жена моя и дети, сидя на земле у огня, дочь с матерью — обе плачют. Огрофена, бедная моя горемыка, еще тогда была невелика. Я пришел из лесу — зело робенок рыдает; связавшуся языку ево, ничево не промолыть, мичит к матери, сидя; мать, на нея глядя, плачет. И я отдохнул и с молитвою приступил к робяти, рекл: «о имени господни повелеваю ти: говори со мною! о чем плачешь?» Она же, вскоча и поклоняся, ясно заговорила: «не знаю, кто, батюшко-государь, во мне сидя, светленек, за язык-от меня держал и с матушкою не дал говорить; я тово для плакала, а мне он говорит: «скажи отцу, чтобы он правило по-прежнему правил, так на Русь опять все выедете; а буде правила не станет править, о нем же он сам помышляет, то здесь все умрете, и он с вами же умрет». Да и иное кое-что ей сказано в те поры было: как указ по нас будет и сколько друзей первых на Руси заедем *,— все так и сбылося. И велено мне Пашкову говорить, чтоб и он вечерни и завтрени пел, так бог ведро даст, и хлеб родится, а то были дожди беспрестанно; ячменцу было сеено небольшое место за день или за два до Петрова дни,— тотчас вырос, да и сгнил было от дождев. Я ему про вечерни и завтрени сказал, и он и стал так делать; бог ведро дал, и хлеб тотчас поспел. Чюдо-таки! Сеен поздо, а поспел рано. Да и паки бедной коварничать стал о божием деле. На другой год насеел было и много, да дождь необычен излияся, и вода из реки выступила и потопила ниву, да и все розмыло, и жилища наши розмыла. А до тово николи тут вода не бывала, и иноземцы дивятся. Виждь: как поруга дело божие и пошел страною, так и бог к нему странным гневом! Стал смеятца первому тому извещению напоследок: робенок-де есть хотел, так плакал! А я-су с тех мест за правило свое схва-

тался, да и по ся мест тянусь помаленьку. Полно о том беседовать, на первое возвратимся. Нам надобе вся сия помнить и не забывать, всякое божие дело не класть в небрежение и просто и не менять на прелесть сего суетнаго века.

Паки реку московское бытие. Видят оне, что я не соединяюся с ними, приказал государь уговаривать меня Родиону Стрешневу, чтоб я молчал *. И я потешил ево: царь то есть от бога учинен, а се добренек до меня,— чаял, либо помаленьку исправится. А се посулили мне Симеонова дни сесть на Печатном дворе книги править *, и я рад сильно,— мне то надобно лутче и духовничества. Пожаловал, ко мне прислал десеть рублев денег, царица десеть рублев же денег, Лукьян духовник * десеть рублев же, Родион Стрешнев десеть рублев же, а дружище наше старое Феодор Ртищев, тот и шесть десят рублев казначею своему велел в шапку мне сунуть; а про иных нечева и сказывать: всяк тащит да несет всячиною! У света моей, у Федосьи Прокопьевны Морозовы, не выходя жил во дворе, понеже дочь мне духовная, и сестра ее, княгиня Евдокея Прокопьевна, дочь же моя. Светы мои, мученицы Христовы! И у Анны Петровны Милославские покойницы всегда же в дому был *. А к Федору Ртищеву бранитца со отступниками ходил. Да так-то с полгода жил, да вижу, яко церковное *ничто же успевает, но паче молва бывает,*— паки заворчал, написав царю многонько-таки, чтоб он старое благочестие взыскал и мати нашу общую — святую церковь, от ересей оборонил и на престол бы патриаршеский пастыря православнова учинил вместо волка и отступника Никона, злодея и еретика *. И егда письмо изготовил, занемоглось мне гораздо, и я выслал царю на переезд с сыном своим духовным с Феодором юродивым, что после отступники удавили его, Феодора, на Мезени, повеся на висилицу *. Он же с письмом приступил к цареве корете со дерзновением, и царь велел ево посадить и с письмом под красное крыльцо,— не ведал, что мое; а опосле, взявше у него письмо, велел ево отпустить. И он, покойник, по-

бывав у меня, паки в церковь пред царя пришед, учал юродством шаловать, царь же, осердясь, велел в Чюдов монастырь отслать[1]. Там Павел архимарит * и железа на него наложил, и божиею волею железа рассыпалися на ногах пред лю[дь]ми. Он же, покойник-свет, в хлебне той после хлебов в жаркую печь влез и голым гузном сел на полу и, крошки в печи побираючи, ест. Так чернцы ужаснулися и архимариту сказали, что ныне Павел митрополит. Он же и царю возвестил, и царь, пришед в монастырь, честно ево велел отпустить. Он же паки ко мне пришел. И с тех мест царь на меня кручиноват стал: не любо стало, как опять я стал говорить; любо им, как молчю, да мне так не сошлось. А власти, яко козлы, пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня с Москвы, понеже раби Христовы многие приходили ко мне и, уразумевше истинну, не стали к прелесной их службе ходить *. И мне от царя выговор был: «власти-де на тебя жалуются, церкви-де ты запустошил, поедь-де в ссылку опять». Сказывал боярин Петр Михайлович Салтыков *. Да и повезли на Мезень *. Надавали было кое-чево во имя Христово люди добрые много, да все и осталося тут; токмо с женою и детьми * и с домочадцы повезли. А я по городам паки людей божиих учил, а их, пестрообразных зверей, обличал. И привезли на Мезень.

Полтара года держав, паки одново к Москве взяли *, да два сына со мною,— Иван да Прокопей,— съехали же, а протопопица и прочии на Мезени осталися все. И привезше к Москве, отвезли под начал в Пафнутьев монастырь. И туды присылка была,— тож да тож говорят: «долго ли

---

[1] *После этих слов в редакции В:* Я пред царем стою, поклонясь, на него гляжу, ничего не говорю; а царь, мне поклонясь, на меня, стоя, глядит, ничего ж не говорит, да так и розошлись; с тех мест и дружбы только: он на меня за письмо кручинен стал, а я осердился же за то, что Феодора моего под начало послал; да и комнатные на меня ж: «ты не слушаешь царя», да и власти на меня ж: «ты нас оглашаешь царю, и в письме своем бранишь, и людей учишь ко церквам к пению нашему не ходить». Да и опять стали думать в ссылку меня послать (л. 38/об.).

тебе мучить нас? соединись с нами, Аввакумушко!» Я отрицаюся, что от бесов, а оне лезут в глаза! Сказку им тут с бранью с большою написал* и послал с дьяконом ярославским, с Козьмою, и с подьячим двора патриарша. Козьма та не знаю коего духа человек: въяве уговаривает *, а втай подкрепляет меня, сице говоря: «протопоп! не отступай ты старова тово благочестия; велик ты будешь у Христа человек, как до конца претерпишь; не гляди на нас, что погибаем мы!» И я ему говорил сопротив, чтоб он паки приступил ко Христу. И он говорит: «нельзя; Никон опутал меня!» Просто молыть, отрекся пред Никоном Христа, так же уже, бедной, не сможет встать. Я, заплакав, благословил ево, горюна; больши тово нечева мне делать с ним; ведает то бог, что будет ему.

Таже, держав десеть недель в Пафнутьеве на чепи, взяли меня паки в Москву [1] и в крестовой, стазався власти со мною *, ввели меня в соборной храм и стригли по переносе меня и дьякона Феодора *, потом и проклинали; а я их проклинал сопротив; зело было мятежно в обедню ту тут!

И, подержав на патриархове дворе, повезли нас ночью на Угрешу к Николе в монастырь *. И бороду враги божии отрезали у меня. Чему быть? волки то есть, не жалеют овцы! оборвали, что собаки, один хохол оставили, что у поляка, на лбу [2]. Везли не дорогою в монастырь — болотами да грязью, чтоб люди не сведали. Сами видят, что дуруют, а отстать от дурна не хотят: омрачил дьявол,— что на них

---

[1] *После этих слов в редакции В:* свезли томнова человека, посадя на старую лошадь; пристав созади — побивай, да побивай; иное вверх ногами лошадь в грязи упадет, а я через голову; и днем одным перемчали девяносто верст, еле жив дотащился до Москвы (л. 39/об.).

[2] *Вместо этой фразы в редакции Б:* Дети, чему быть? волки то есть. Коли волк овцы жалеет? Оне бы и мясо то мое съели. Да еще то, кажется, царь-ет вдруг не выдаст. А какое царь? Бог до времени снабдевает. Как будет время, так вдруг проглотят. Да буди же воля господня (л. 46—46/об.).

и пенять! Не им было, а быть же было иным; * писанное время пришло по Евангелию: «нужда соблазнам прийти» *. А другой глаголет евангелист: «невозможно соблазнам не приити, но горе тому, им же приходит соблазн» *. Вижль, слышателю: необходимая наша беда, невозможно миновать! Сего ради соблазны попущает бог, да же избрани будут, да же разжегутся, да же убелятся, да же искусниии явленни будут в вас. Выпросил у бога светлую Росию сатона, да же очервленит ю кровию мученическою. Добро ты, дьявол, вздумал, и нам то любо — Христа ради, нашего света, пострадать!

Держали меня у Николы в студеной полатке семнатцеть недель *. Тут мне божие присещение бысть; чти в цареве послании, тамо обрящеши *. И царь приходил в монастырь; около темницы моея походил и, постонав, опять пошел из монастыря. Кажется потому, и жаль ему меня, да уш то воля божия так лежит. Как стригли, в то время велико нестроение вверху у них бысть с царицею, с покойницею: она за нас стояла в то время, миленькая; напоследок и от казни отпросила меня *. О том много говорить. Бог их простит! Я своево мучения на них не спрашиваю, ни в будущий век. Молитися мне подобает о них, о живых и о преставльшихся. Диявол между нами рассечение положил, а оне всегда добры до меня. Полно тово! И Воротынской бедной князь Иван тут же без царя молитца приезжал; * а ко мне просился в темницу; ино не пустили горюна; я лишо, в окошко глядя, поплакал на него. Миленькой мой! боится бога, сиротинка Христова; не покинет ево Христос! Всегда-таки он Христов да наш человек. И все бояре те до нас добры, один дьявол лих. Что-петь сделаешь, коли Христос попустил! Князь Ивана миленькова Хованскова и батожьем били *, как Исаию сожгли *. А бояроню ту Федосью Морозову и совсем разорили, и сына у нея уморили, и ея мучат;* и сестру ея Евдокию, бивше батогами, и от детей отлучили и с мужем розвели, а ево, князь Петра Урусова, на другой-де женили. Да что-петь делать? Пускай их, миленьких, мучат: небеснаго жениха

достигнут. Всяко то бог их перепровадит век сей суетный, и присвоит к себе жених небесный в чертог свой, праведное солнце, свет, упование наше! [1] Паки на первое возвратимся [2].

Посем свезли меня паки в монастырь Пафнутьев и там, заперши в темную полатку, скована держали год без

---

[1] *Вместо последней фразы в редакции Б:* Красные и светлые бояроии в русской земли явились; не токмо славы, но и плоти своей и деток не пощадели, да Христа приобрящут. Пускай Христос своих собирает к себе! Умер же бы Иванушко всяко, а то мученик Христов Морозовых бояр. Исповедал ево-света в темнице, на Москве бывше, и причастил тела Христова, яко непорочнаго агнца. Добро. Полно тово. Любо мне, что за Христа умирают, я их тому и учил. Что по них и тужить? Слава богу о всем (л. 48 — 48/об.).

[2] *Вместо двух последних абзацев в редакции В:* и, продержав на патриархове дворе, вывели меня ночью к спальному крыльцу; * голова досмотрил и послал в тайнишные водяные ворота; а чаял, в реку посадят, ано от тайных дел шиш антихристов стоит, Дементей Башмаков *, дожидается меня, учал мне говорить: «протопоп, велел тебе государь сказать — не бойся ты никово, надейся на меня!» И я ему, поклонясь, а сам говорю: «челом,— реку,— бью на ево жалованье; какая он надежа мне? надежа моя Христос!» Да и повели меня по мосту за реку; я, идучи, говорю: «не надейтеся на князя, на сыны человеческия, в них же несть спасения» *, и прочая.

Также полуголова Осип Салов со стрельцами повез меня к Николе на Угрешу в монастырь; посмотрю, ано предо мною и дьякона тащат, везли болотами, а не дорогою, до монастыря, и привезше, в полатку студеную над ледником посадили, и прочих — дьякона и попа Никиту суздальского — в полатках во иных посадили, и стрельцов человек с дватцеть с полуголовою стояли. Я сидел семнатцеть недель, а оне, бедные, изнемогли и повинились, сидя пятнатцеть недель; так их в Москву взяли опять *, а меня паки в Пафнутьев перевезли и там в полатке, сковав, держали близко с год. А как на Угреше был, тамо и царь приходил и, посмотря около полатки, вздыхая, а ко мне не вошел; и дорогу было приготовили, насыпали песку, да подумал, подумал, да и не вошел; полуголову взял и с ним, кое-што говоря про меня, да и поехал домой. Кажется, и жаль ему меня, да видит, богу уж то надобно так. Опосле и Воротынской князь Иван в монастырь приезжал и просился ко мне, так не смели пустить; денег, бедной, громаду в листу подавал, и денег не приняли. После, в другое лето, на Пафнутьеве подворье в Москве я скован сидел, так он ехал в корете нароком мимо меня, и благословил я ево, миленькова. И все бояра те добры до меня, да диявол лих. Хованскова князь Ивана и батогами за благочестие били вверху, а дочь ту мою духовную, Федосью Морозову, и совсем разо-

мала *. Тут келарь Никодим сперва добр до меня был [1]. А се бедной большо тово же табаку испил, что у газскаго митрополита выняли напоследок 60 пудов, да домру, да иные тайные монастырские вещи, что поигравше творят *. Согрешил, простите; не мое то дело: то ведает он; своему владыке стоит или падает. К слову молылось. То у них были любимые законоучителие. У сего келаря Никодима попросился я на велик день * для празника отдохнуть, чтоб велел, дверей отворя, на пороге посидеть; и он, меня наругав, и отказал жестоко, как ему захотелось; и потом, в келию пришед, разболелся: маслом соборовали и причащали, и тогда-сегда дохнет. То было в понедельник светлой. И в нощи против вторника прииде к нему муж во образе моем, с кадилом, в ризах светлых, и покадил ево и, за руку взяв, воздвигнул, и бысть здрав. И притече ко мне с келейником ночью в темницу,— идучи говорит: «блаженна обитель,— таковыя имеет темницы! блаженна темница — таковых в себе имеет страдальцов! блаженны и юзы!» И пал предо мною, ухватился за чепь, говорит: «прости, господа ради, прости, согрешил пред богом и пред тобою; оскорбил тебя,— и за сие наказал мя бог». И я говорю: «как наказал? повеждь ми». И он паки: «а ты-де сам, приходя и покадя, меня пожаловал и поднял,— что-де запи-

---

рили, и сына ея Ивана Глебовича, уморили, и сестру ея, княгиню Евдокею Прокопьевну, дочь же мою духовную, с мужем и с детьми, бивше, развели и ныне мучат всех; не велят веровать в старова сына божия спаса Христа, но к новому богу, антихристу, зовут. Послушай их, кому охота жупела и огня, соединись с ними в преисподний ад! Полно тово.

В Никольском же монастыре мне было в полатке в Вознесеньев в день божие присещение; в цареве послании писано о том — тамо обрящеши (л. 39/об.— 41).

[1] *После этих слов в редакции В:* в первом году, а в другой привоз ожесточал, горюн, задушил было меня, завалял и окошка и дверь, и дыму негде было итти,— тошнее мне было земляныя тюрьмы: где сижу и ем, тут и ветхая вся срание-сцание; прокурить откутают, да и опять задушат. Доброй человек, дворянин друг, Иваном зовут, Богданович Камынин, вкладчик в монастыре, и ко мне зашел, да на келаря покричал, и лубье и все без указу разломал, так мне с тех мест окошко стало и отдух (л. 41—41/об.).

раесься!» А келейник, тут же стоя, говорит: «я, батюшко государь, тебя под руку вывел из кельи, да и поклонился тебе, ты и пошел сюды». И я ему заказал, чтоб людям не сказывал о тайне сей. Он же со мною спрашивался, как ему жить впредь по Христе, «или-де мне велишь покинуть все и в пустыню пойти?» Аз же его понаказав, и не велел ему келарства покидать, токмо бы, хотя втай, держал старое предание отеческое. Он же, поклоняся, отиде к себе и на утро за трапезою всей братье сказал. Людие же бесстрашно и дерзновенно ко мне побрели, просяще благословения и молитвы от меня; а я их учю от писания и пользую словом божиим; в те времена и врази кои были, и те примирилися тут. Увы! коли оставлю суетный сей век? Писано: «горе, ему же рекут добре вси человецы» *. Воистинну не знаю, как до краю доживать: добрых дел нет, а прославил бог! То ведает он,— воля ево.

Тут же приезжал ко мне втай с детьми моими Феодор покойник, удавленой мой *, и спрашивался со мною: «как-де прикажешь мне ходить — в рубашке ли по-старому или в платье облещись? — еретики-де ищут и погубить меня хотят. Был-де я на Резани под началом, у архиепископа на дворе, и зело-де он, Иларион, мучил меня,— реткой день коли плетьми не бьет и скована в железах держал, принуждая к новому антихристову таинству *. И я-де уже изнемог, в нощи моляся и плача говорю: господи! аще не избавишь мя, осквернят меня, и погибну. Что тогда мне сотворишь? — И много плачючи говорил.— А се-де вдруг, батюшко, железа все грянули с меня, и дверь отперлась, и отворилася сама. Я-де богу поклонясь, да и пошел; к воротам пришел — и ворота отворены! Я-де по большой дороге, к Москве напрямик! Егда-де россветало,— ано погоня на лошедях! Трое человек мимо меня пробежали — не увидели меня. Я-де надеюся на Христа, бреду-таки впредь. Помале-де оне едут навстречю ко мне, лают меня: ушел-де, блядин сын,— где-де ево возьмешь! Да и опять-де проехали, не видали меня. И я-де ныне к тебе спроситца прибрел: туды ль-де мне опять мучитца пойти или, платье вздев, жить на Москве?» — И я ему, грешной, велел вздеть

платье[1]. А однако не ухоронил от еретических рук, удавили на Мезени, повеся на висилицу. Вечная ему память и с Лукою Лаврентьевичем! Детушки миленькие мои, пострадали за Христа! Слава богу о них! Зело у Федора тово крепок подвиг был: в день юродствует, а нощь всю на молитве со слезами. Много добрых людей знаю, а не видал подвижника такова! Пожил у меня с полгода на Москве,— а мне еще не моглося,— в задней комнатке двое нас с ним, и, много, час-другой полежит да и встанет; 1000 поклонов отбросает, да сядет на полу и иное, стоя, часа с три плачет, а я таки лежу — иное сплю, а иное неможется; егда уж наплачется гораздо, тогда ко мне приступит: «долго ли тебе, протопоп, лежать тово, образумься,— веть ты поп! как сорома нет?» И мне неможется, так меня подымает, говоря: «встань, миленькой батюшко,— ну, таки встащися как-нибудь!» Да и роскачает меня. Сидя мне велит молитвы говорить, а он за меня поклоны кладет. То-то друг мой сердечной был! Скорбен, миленькой, был с перетуги великия: черев из него вышло в одну пору три аршина, а в другую пору пять аршин[2]. Неможет, а кишки перемеряет. И смех с ним и горе! На Устюге пять лет беспрестанно мерз на морозе бос, бродя в одной рубашке: я сам ему самовидец. Тут мне учинился сын духовной, как я из Сибири ехал. У церкви в полатке,— прибегал молитвы ради,— сказывал: «как-де от мороза тово в тепле том станешь, батюшко, отходить, зело-де тяшко в те поры бывает»,— по кирпичью тому ногами теми стукает, что коченьем, а на утро и опять не болят. Псалтырь у него тогда была новых печатей в келье,— маленько еще знал о новизнах; и я ему россказал подробну про новыя книги; он же, схватав книгу, тотчас и в печь кинул, да и проклял всю новизну. Зело у него во Христа горяча была вера! Да что много говорить? — как начал, так и скончал! Не на баснях проходил подвиг, не

---

[1] *Вместо этой фразы в редакции В:* Я, подумав, велел ему платье носить и посреде людей таяся жить (л. 43).

[2] *После этих слов в редакции В:* от тяготы зимныя и от побой (л. 43/об.).

как я, окаянной; того ради и скончался боголепне[1]. Хорош был и Афонасьюшко * миленькой, сын же мне духовной, во иноцех Авраамий, что отступники на Москве в огне испекли, и яко хлеб сладок принесеся святей троице[2]. До иночества бродил босиком же в одной рубашке и зиму и лето; только сей Феодора посмирнее и в подвиге малехнее покороче. Плакать зело же был охотник: и ходит и плачет. А с кем молыт, и у него слово тихо и гладко, яко плачет. Феодор же ревнив гораздо был и зело о деле божии болезнен; всяко тщится разорити и обличати неправду. Да пускай их! Как жили, так и скончались о Христе Исусе, господе нашем.

---

[1] *Вместо:* Псалтырь у него тогда была... и скончался боголепне.— *в редакции В:* Отец у него в Новегороде богат гораздо, сказывал мне, мытоимец-де, Феодором же зовут, а он уроженец мезеньской, и баба у него, и дядя, и вся родня на Мезени. Бог изволил, и удавили его на виселице отступники у родни на Мезени. «А уродствовать тово как обещался богу, да солгал, так морем ездил на ладье к городу с Мезени, и погодою било нас, и не ведаю, как упал в море, а ногами зацепился за петлю и долго висел, голова в воде, а ноги вверху, и на ум взбрело обещание: яко не солгу, аще от потопления мя бог избавит, и не вем, кто силен — выпехнул меня из воды на полубы; с тех мест стал странствовать». Домой приехав, житие свое девством прошел, бог изволил. Многие борьбы блудныя бывали, да всяко сохранил владыко: слава богу о нем, и умер за христианскую веру! Добро, он уже скончал свой подвиг; как-то еще мы до пристанища доедем? Во глубине еще пловем, берегу не видеть, гребсти надобе прилежно, чтоб здорово за дружиною в пристанище достигнути. Старец, не станем много спать: дьявол около темниц наших бодро зело ходит, хочется ему нас гораздо, да силен Христос и нас не покинуть. Я дьявола не боюсь, боюсь господа своего, творца и содетеля и владыки; а дьявол — какая диковина? чево ево боятца! Боятца подобает бога и заповеди его соблюдать, так и мы со Христом ладно до пристанища доедем (л. 43/об.— 44/об.).

[2] *После этих слов в редакции В:* Павел Крутицкой за бороду ево драл и по щокам бил своими руками, а он истиха писанием обличал их отступление; таже и плетьми били и, муча всяко, кончали во огне за старую нашу христианскую веру; он же скончался о Христе Исусе, после Феодорова удавления два года спустя. И Лука Лаврентьевич сын же мне был духовной, что на Мезени вместе с Феодором удавили те же отступники, на висилице повеся; смирен нрав имел покойник: говорил, яко плакал, москвитянин родом, у матери вдовы сын был единочаден, сапожник чином, молод леты — годов в полтретьятцеть, да ум столетен; егда вопроси его Пилат: «как ты, мужик, крестисься?» — он же отвеща:

Еще вам побеседую о своей волоките. Как привезли меня из монастыря Пафнутьева к Москве, и поставили на подворье, и, волоча многажды в Чюдов [1], поставили перед вселенских патриархов *, и наши все тут же, что лисы, сидели,— от писания с патриархами говорил много; бог отверз грешные мое уста, и посрамил их Христос! Последнее слово ко мне рекли: «что-де ты упрям? вся-де наша палестина,— и серби, и албанасы, и волохи, и римляне, и ляхи,— все-де трема персты крестятся, один-де ты стоишь во своем упорстве и крестисься пятью персты! — так-де не подобает!» * И я им о Христе отвещал сице: «вселенстии учитилие! Рим давно упал и лежит невсклонно, и ляхи с ним же погибли, до конца враги быша християном. А и у вас православие пестро стало от насилия турскаго Магмета,— да и дивить на вас нельзя: немощни есте стали. И впредь приезжайте к нам учитца: у нас, божиею благодатию, самодержство. До Никона отступника в нашей России у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно и церковь немятежна *. Никон волк со дьяволом предали трема персты креститца; а первые наши пастыри яко же сами пятью персты крестились, такоже пятью персты и благословляли по преданию святых отец наших Мелетия антиохийскаго и Федорита Блаженнаго, епископа киринейскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека *. Еще же и московский поместный бывый собор при царе Иване так же слагая персты креститися и благословляти повелевает, яко ж прежнии святии отцы Мелетий и прочии научиша *. Тогда при царе Иване быша на соборе знаменосцы Гурий и Варсонофий, казанские чудо-

---

«как батюшко мой, протопоп Аввакум, так и я крещуся». И, много говоря, предаде его в темницу; потом с Москвы указали удавить, так же, что и Феодора, на висилице повеся; он же и скончался о Христе Исусе. Милые мои, сердечные други, помогайте и нам, бедным, молитвами своими, даже бы и нам о Христе подвиг сей мирно скончати. Полно мне про детей тех говорить, стану про себя сказывать (л. 44/об.— 45).

[1] *После этих слов в редакции В:* грызлися что собаки со мною власти (л. 45).

творцы и Филипп, соловецкий игумен, от святых русских»*. И патриарси задумалися; а наши, что волчонки, вскоча, завыли и блевать стали на отцев своих, говоря: «глупы-де были и не смыслили наши русские святыя, не учоные-де люди были,— чему им верить? Они-де грамоте не умели!» О, боже святый! како претерпе святых своих толикая досаждения? Мне, бедному, горько, а делать нечева стало. Побранил их, побранил их, колько мог, и последнее слово рекл: «чист есмь аз, и прах прилепший от ног своих отрясаю пред вами, по писанному: «лутче един творяй волю божию, нежели тьмы беззаконных!» * Так на меня и пущи закричали: «возьми, возьми его! — всех нас обесчестил!» Да толкать и бить меня стали; и патриархи сами на меня бросились, человек их с сорок, чаю, было *,— велико антихристово войско собралося! Ухватил меня Иван Уаров * да потащил. И я закричал: «постой,— не бейте!» Так оне все отскочили. И я толмачю-архимариту * говорить стал: «говори патриархам: апостол Павел пишет: «таков нам подобаше архиерей — преподобен, незлобив» *, и прочая; а вы, убивше человека, как литоргисать станете?» Так оне сели. И я отшел ко дверям да набок повалился: «посидите вы, а я полежу», говорю им. Так оне смеются: «дурак-де протопоп-от! и патриархов не почитает!» И я говорю: *мы уроди Христа ради; вы славни, мы же бесчестни; вы сильни, мы же немощни!* * Потом паки ко мне пришли власти и про аллилуйя стали говорить со мною. И мне Христос подал — посрамил в них римскую ту блядь Дионисием Ареопагитом, как выше сего в начале реченно. И Евфимей, чюдовской келарь, молыл: «прав-де ты,— нечева-де нам больши тово говорить с тобою». Да и повели меня на чепь.

Потом полуголову царь прислал со стрельцами, и повезли меня на Воробьевы горы; * тут же священника Лазоря и инока Епифания старца; * острижены и обруганы, что мужички деревенские, миленькие! Умному человеку поглядеть, да лише заплакать, на них глядя. Да пускай их терпят! Что о них тужить? Христос и лутче их был, да тож ему, свету нашему, было от прадедов их, от Анны и Ка-

иафы; * а на нынешних и дивить нечева: с обрасца делают! Потужить надобно о них, о бедных. Увы, бедные никонияня! погибаете от своего злаго и непокориваго нрава!

Потом с Воробьевых гор перевели нас на Андреевское подворье, таже в Савину слободку. Что за разбойниками, стрельцов войско за нами ходит и срать провожают; помянется,— и смех и горе,— как то омрачил дьявол! Таж к Николе на Угрешу; тут государь присылал ко мне голову Юрья Лутохина благословения ради, и кое о чем много говорили [1].

Таже опять ввезли в Москву нас на Никольское подворье и взяли у нас о правоверии еще сказки. Потом ко мне комнатные люди многажды присыланы были, Артемон и Дементей, и говорили мне царевым глаголом: «протопоп, ведаю-де я твое чистое и непорочное и богоподражательное житие, прошу-де твоево благословения и с цари-

---

[1] *Вместо последних двух абзацев в редакции В:* Потом полуголову царь прислал со стрельцами, и повезли меня на Воробьевы горы; тут же священника Лазаря и старца Епифания, обруганы и острижены, как и я был прежде. Поставили нас по розным дворам; неотступно 20 человек стрельцов, да полуголова, да сотник над нами стояли,— берегли, жаловали, и по ночам с огнем сидели, и на двор срать провожали. Помилуй их, Христос! прямые добрые стрельцы те люди, и дети таковы не будут, мучатся туды же, с нами возяся; нужица та какова прилучится, и оне всяко, миленькие, радеют. Да што много рассуждать? У спаса они лутче чернцов тех, которые клабуки те рогатые ставцами теми носят *. Полно. Оне, горюны, испивают допьяна да матерны бранятся, а то бы оне и с мучениками равны были; да што же делать? и так их не покинет бог!

Таже нас перевезли на Ондреевское подворье. Тут приезжал ко мне шпынять от тайных дел Дементей Башмаков; бытто без царева ведома был, а опосле, бывше у меня, сказал: по цареву велению был. Всяко бедные умышляют, как бы им меня прельстить, да бог не выдаст за молитв пречистые богородицы: она меня помощница, обороняет от них.

А на Воробьевых горах дьяк конюшей Тимофей Марков от царя присылан и у всех был. Много кое-чево говоря, с криком разошлись и со стыром большим. Я после ево написал послание и с сотником Иваном Лобковым к царю послал; * кое о чем многонько поговоря, и благословение ему и царице и детям приписал.

Потом, держав на Воробьевых горах, и на Ондреевском подворье, и в Савине слободке, к Николе на Угрешу перевезли; тут голову Юрья Лутохина ко мне опять царь присылал и за послание «спаси бог» с поклоном большое сказал, и, благословения себе и царице и детям прося, молитце о себе приказал (л. 46/об.— 48).

цею и с чады,— помолися о нас!» Кланяючись, посланник говорит. И я по нем всегда плачю; жаль мне сильно ево. И паки он же: «пожалуй-де послушай меня: соединись со вселенскими теми хотя небольшим чем!» И я говорю: «аще и умрети ми бог изволит, с отступниками не соединяюся! Ты,— реку,— мой царь; а им до тебя какое дело? Своево,— реку,— царя потеряли, да и тебя проглотить сюды приволоклися! Я,— реку,— не сведу рук с высоты небесныя, дондеже бог тебя отдаст мне». И много тех присылок было. Кое о чем говорено. Последнее слово рек: «где-де ты ни будешь, не забывай нас в молитвах своих!» * Я и ноне, грешной, елико могу, о нем бога молю [1].

[ПУСТОЗЕРСКАЯ ССЫЛКА]

Таже, братию казня, а меня не казня, сослали * в Пустозерье [2]. И я из Пустозерья послал к царю два послания: первое невелико, а другое больши. Кое о чем говорил. Сказал ему в послании и богознамения некая, по-

---

[1] *После этих слов в редакции В:* аще и мучит мя, но царь бо то есть; бывало время, и впрямь добр до нас бывал. До Никона злодея, прежде мору, к Казанской пришед, у руки мы были, яйцами нас делил, и сын мой Иван маленек еще был и не прилучился подле меня, а он, государь, знает гораздо ево, послал брата моего роднова сыскивать робенка, а сам долго, стоя, ждал, докамест брат на улице робенка сыскал; руку ему дает целовать, и робенок глуп, не смыслит, видит, что не поп, так не хочет целовать; и государь сам руку губам робенку принес, два яйца ему дал и погладил по голове. Ино-су и сие нам надобе не забывать, не от царя нам мука сия, но, грех ради наших, от бога дьяволу попущено озлобити нас, да же, искусяся ныне, вечнаго искушения уйдем. Слава богу о всем (л. 48/об.).

[2] *Вместо этого предложения в редакции В:* Таже братию, Лазаря и старца, казня, вырезав языки, а меня и Никифора протопопа не казня, сослали нас в Пустозерье; а двоих сынов моих, Ивана и Прокопья,

казанная мне в темницах; тамо чтый да разумеет *. Еще же от меня и от братьи дьяконово снискание послано в Москву, правоверным гостинца, книга «Ответ православных» и обличение на отступническую блудню. Писано в ней правда о догматех церковных *. Еще же и от Лазаря священника посланы два послания царю и патриарху *. И за вся сия присланы к нам гостинцы: повесили на Мезени в дому моем двух человеков, детей моих духовных,—прежде-реченнаго Феодора юродиваго да Луку Лаврентьевича, рабов Христовых. Лука та московской жилец, у матери-вдовы сын был единочаден, усмарь чином, юноша лет в полтретьятцеть; приехал на Мезень по смерть с детьми моими. И егда бысть в дому моем всегубительство, вопросил его Пилат: * «как ты, мужик, крестисься?» Он же отвеща смиренномудро: «я так верую и крещуся, слагая персты, как отец мой духовной, протопоп Аввакум». Пилат же повеле его в темницу затворити, потом, положа петлю на шею, на релех повесил. Он же от земных на небесная взыде. Больши тово что ему могут сделать? Аще и млад, да по-старому сделал: пошел себе ко владыке. Хотя бы и старой так догадался! В те жо поры и сынов моих родных двоих, Ивана и Прокопья, велено ж повесить; да оне, бедные, оплошали и не догадались венцов победных ухватити: испужався смерти, повинились [1]. Так их и с матерью троих в землю живых закопали. Вот вам и без смерти смерть! Кайтеся, сидя, дондеже дьявол иное что умыслит. Страшна смерть: недивно! Некогда и друг ближний Петр отречеся *и, исшед вон, плакася горько* * и слез ради прощен бысть *. А на ро-

---

оставили на Москве за поруками; и оне, бедные, мучились годы с три, уклоняяся от смерти властелинскова навета: где день, где ночь, никто держать не смеет, и кое-как на Мезень к матери прибрели; * не пожили и с год, ано и в землю попали. Да пускай! лутче пустые бродни, чем по улицам бродить. Я беспрестанно бога о том молю: «господи, аще хотим, аще и не хотим, спаси нас!» И господь и промышляет о нашем спасении помаленьку; пускай потерпим тако, а то пригодится не в кую пору; тогда слюбится, как время будет (л. 48/об.— 49).

[1] *После этих слов в редакции В:* Виноваты пред богом и пред великим государем — а не сведомо, что своровали (л. 49/об.).

бят и дивить нечева: моего ради согрешения попущено им изнеможение. Да уж добро; быть тому так! Силен Христос всех нас спасти и помиловати[1].

Посем той же полуголова * Иван Елагин был и у нас в Пустозерье, приехав с Мезени, и взял у нас скаску. Сице реченно: год и месяц, и паки: «мы святых отец церковное предание держим неизменно, а палестинскаго патриарха Паисея с товарыщи еретическое сборище проклинаем». И иное там говорено многонько, и Никону, завотчику ересям, досталось небольшое место. Посем привели нас к плахе и, прочет наказ, меня отвели, не казня, в темницу. Чли в наказе: Аввакума посадить в землю в срубе и давать ему воды и хлеба. И я сопротив тово плюнул и умереть хотел, не едши, и не ел дней с восьмь и больши, да братья паки есть велели[2].

Посем Лазаря священника взяли и язык весь вырезали из горла; мало попошло крови, да и перестала. Он же и паки говорит без языка. Таже, положа правую руку на плаху, по запястье отсекли, и рука отсеченная, на земле

---

[1] *Вместо:* Вот вам и без смерти смерть... спасти и помиловати,— *в редакции В:* Да по правилам так оне сделали, спаси бог: того ради, робята, не бойтеся смерти, держите старое благочестие крепко и непоползновенно! А мать за то сидит с ними, чтоб впредь детей подкрепляла Христа ради умирати, и жила бы, не розвешав уши; а то баба, бывало, нищих кормит, сторонных научает, как слагать персты и креститца и творить молитва, а детей своих и забыла подкрепить, чтоб на виселицу пошли и с доброю дружиною * умерли заодно Христа ради. Ну, да бог вас простит: не дивно, что так сделали,— и Петр апостол некогда убоялся смерти и Христа отрекся и о сем плакася горько; таже помилован и прощен бысть. А и о вас некогда молящу ми ся тощно, и видев вашу пред собой темницу и вас троих на молитве стоящих в вашей темнице, а от вас три столпа огненны к небесем стоят простерты; а с тех мест обрадовался и, лехче мне стало, яко покаяние ваше принял бог; слава о сем богу (л. 49/об.— 50).

[2] *Вместо:* и, прочет наказ... есть велели.— *в редакции В:* и прочитали наказ: «изволил-де государь, и бояра приговорили тебя, Аввакума, вместо смертные казни учинить сруб в землю и, сделав окошко, давать хлеб и воду, а прочим товарищам резать без милости языки и сечь руки». И я, плюнув на землю, говорил: «я,— реку,— плюю на ево кормлю; не едше, умру, а не предам благоверия». И потом повели меня в темницу, и не ел дней с десяток, да братья велели (л. 50 — 50/об.).

лежа, сложила сама персты по преданию и долго лежала так пред народы; исповедала, бедная, и по смерти знамение спасителево неизменно. Мне-су и самому сие чюдно: бездушная одушевленных обличает! Я на третей день у него во рте рукою моею щупал и гладил: гладко все,— без языка, а не болит. Дал бог, во временне часе исцелело. На Москве у него резали: тогда осталось языка, а ныне весь без остатку резан; а говорил два годы чисто, яко и с языком. Егда исполнилися два годы, иное чюдо: в три дни у него язык вырос совершенной, лишь маленько тупенек, и паки говорит, беспрестанно хваля бога и отступников порицая [1].

Посем взяли соловецкаго пустынника, инока-схимника Епифания старца, и язык вырезали весь же; у руки отсекли четыре перста. И сперва говорил гугниво. Посем молил пречистую богоматерь, и показаны ему оба языки, московской и здешней, на воздухе; он же, един взяв, положил в рот свой, и с тех мест стал говорить чисто и ясно, а язык совершен обретеся во рте. Дивны дела господня и неизреченны судьбы владычни! — и казнить попускает, и паки целит и милует! Да что много говорить? Бог — старой чюдотворец, от небытия в бытие приводит. Во се петь в день последний всю плоть человечю во мгновении ока воскресит. Да кто о том рассудити может? Бог бо то есть: новое творит и старое поновляет. Слава ему о всем!

Посем взяли дьякона Феодора; язык вырезали весь же, оставили кусочик небольшой во рте, в горле накось резан; [2] тогда на той мере и зажил, а после и опять со старой

---

[1] *Вместо:* Дал бог... и отступников порицая.— *в редакции В:* А говорит, яко и прежде, играет надо мною: «щупай, протопоп, забей руку в горло-то, небось не откушу!» И смех с ним и горе! Я говорю: «чево щупать? на улице язык бросили!» Он же сопротив: «собаки они, вражьи дети! пускай мои едят языки». Первой у него лехче и у старца на Москве резаны были, а ныне жестоко гораздо. А по двух годах и опять иной язык вырос, чюдно, с первой же величиною, лишь маленько тупенек (л. 50/об.— 51).

[2] *После этих слов в редакции В:* не милость показуя, но руки не послужили; от дрожи и трепета нож из рук вывалился; (л. 53).

вырос и за губы выходит, притуп маленько. У нево же отсекли руку поперег ладони. И все, дал бог, стало здорово,— и говорит ясно против прежнева и чисто.

Таже осыпали нас землею: струб в земле, и паки около земли другой струб, и паки около всех общая ограда за четырьми замками; *стражие же пре[д] дверьми стрежаху темницы**. Мы же, здесь и везде сидящии в темницах, поем пред владыкою Христом, сыном божиим, песни песням, их же Соломан воспе, зря на матерь Вирсавию: се еси добра, прекрасная моя! се еси добра, любимая моя! очи твои горят, яко пламень огня; зубы твои белы паче млека; зрак лица твоего паче солнечных луч, и вся в красоте сияешь, яко день в силе своей * (Хвала о церкви).

Таже Пилат, поехав от нас, на Мезени достроя, возвратился в Москву. И прочих наших на Москве жарили да пекли: Исаию сожгли, и после Авраамия сожгли, и иных поборников церковных многое множество погублено, их же число бог изочтет. Чюдо, как то в познание не хотят приити: огнем, да кнутом, да висилицею хотят веру утвердить! Которые-то апостоли научили так? — не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолом так учить, еже бы огнем, да кнутом, да висилицею в веру приводить. Но господем реченно ко апостолам сице: «шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари. Иже веру имет и крестится, спасен будет, а иже не имет веры, осужден будет» *. Смотри, слышателю, волею зовет Христос, а не приказал апостолом непокоряющихся огнем жечь и на висилицах вешать. Татарской бог Магмет написал во своих книгах сице: «непокараяющихся нашему преданию и закону повелеваем главы их мечем подклонити». А наш Христос ученикам своим никогда так не повелел. И те учители явны яко шиши антихристовы, которые, приводя в веру, губят и смерти предают; по вере своей и дела творят таковы же. Писано во Евангелии: «не может древо добро плод зол творити, ниже древо зло плод добр творити»: * от плода бо всяко древо познано бывает. Да што много говорить? аще бы не были борцы, не бы даны быша венцы. Кому охота венчатца, не по што ходить в Персиду, а то дома Вавилон.

Ну-тко, правоверне, нарцы имя Христово, стань среди Москвы, прекрестися знамением спасителя нашего Христа, пятью персты, яко же прияхом от святых отец: вот тебе царство небесное дома родилось! Бог благословит: мучься за сложение перст, не рассуждай много! А я с тобою за сие о Христе умрети готов. Аще я и не смыслен гораздо, неука человек, да то знаю, что вся в церкви, от святых отец преданная, свята и непорочна суть. Держу до смерти, яко же приях; не прелагаю предел вечных, до нас положено: лежи оно так во веки веком! Не блуди, еретик, не токмо над жертвою Христовою и над крестом, но и пелены не шевели. А то удумали со дьяволом книги перепечатать, вся переменить — крест на церкви и на просвирах переменить *, внутрь олтаря молитвы иерейские откинули, ектеньи переменили, в крещении явно духу лукавому молитца велят,— я бы им и с ним в глаза наплевал,— и около купели против солнца лукаво-ет их водит, такоже и, церкви святя, против солнца же и, брак венчав; против солнца же водят *,— явно противно творят,— а в крещении и не отрицаются сатоны. Чему быть? — дети ево: коли отца своево отрицатися захотят! Да что много говорить? Ох, правоверной душе! — вся горняя долу быша. Как говорил Никон, адов пес, так и сделал: «печатай, Арсен *, книги как-нибудь, лишь бы не по-старому!» — так-су и сделал. Да больши тово нечем переменить. Умереть за сие всякому подобает. Будьте оне прокляты, окаянные, со всем лукавым замыслом своим, а стражущим от них вечная память трижды!

Посем у всякаго правовернаго прощения прошу: иное было, кажется, про житие то мне и не надобно говорить; да прочтох Деяния апостольская и Послания Павлова,— апостоли о себе возвещали же, егда что бог соделает в них: не нам, богу нашему слава. А я ничто ж есмь. Рекох, и паки реку: аз есмь человек грешник, блудник и хищник, тать и убийца, друг мытарем и грешникам и всякому человеку лицемерец окаянной. Простите же и молитеся о мне, а я о вас должен, чтущих и послушающих. Больши тово жить не

умею; а что сделаю я, то людям и сказываю; пускай богу молятся о мне! В день века вси жо там познают соделанная мною — или благая или злая. Но аще и не учен словом, но не разумом; не учен диалектики и риторики и философии, а разум Христов в себе имам, яко ж и апостол глаголет: «аще и невежда словом, но не разумом» *.

[ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ]

Простите,— еще вам про невежество свое побеседую. Ей, сглупал, отца своего заповедь преступил, и сего ради дом мой наказан бысть; вни[май] бога ради, како бысть. Егда еще я попом бысть, духовник царев, протопоп Стефан Вонифантьевич, благословил меня образом Филиппа митрополита да книгою святаго Ефрема Сирина *, себя пользовать, прочитая, и люди. Аз же, окаянный, презрев отеческое благословение и приказ, ту книгу брату двоюродному, по докуке ево, на лошедь променял. У меня же в дому был брат мой родной, именем Евфимей, зело грамоте горазд и о церкве велико прилежание имел; напоследок взят был к большой царевне вверх во псаломщики, а в мор и с женою скончался. Сей Евфимей лошедь сию поил и кормил и гораздо об ней прилежал, презирая правило многажды. И виде бог неправду в нас с братом, яко, неправо по истинне ходим,— я книгу променял, отцову заповедь преступил, а брат, правило презирая, о скотине прилежал,— изволил нас владыко сице наказать: лошедь ту по ночам и в день стали беси мучить,— всегда мокра, заезжена, и еле жива стала. Аз же недоумеюся, коея ради вины бес так озлобляет нас. И в день недельный после ужина, в келейном правиле, на полунощнице, брат мой Евфимей говорил кафизму непорочную и завопил высоким гласом: «призри на мя и помилуй мя!» * — и, испустя книгу

из рук, ударился о землю, от бесов поражен бысть,— начат кричать и вопить гласы неудобными, понеже беси ево жестоко начаша мучить. В дому же моем иные родные два брата — Козьма и Герасим, больши ево, а не смогли удержать ево, Евфимия; и всех домашних человек тритцеть, держа ево, рыдают и плачют, вопиюще ко владыке: «господи помилуй, согрешили пред тобою, прогневали твою благостыню, прости нас, грешных, помилуй юношу сего, за молитв святых отец наших!» А он пущи бесится, кричит, и дрожит, и бьется. Аз же, помощию божиею, в то время не смутихся от голки тоя бесовския. Кончавше правило, паки начах молитися Христу и богородице со слезами, глаголя: «владычице моя, пресвятая богородица! покажи, за которое мое согрешение таковое ми бысть наказание, да, уразумев, каяся пре[д] сыном твоим и пред тобою, впредь тово не стану делать!» И, плачючи, послал во церковь по потребник и по святую воду сына своего духовнаго Симеона — юноша таков же, что и Евфимей, лет в четырнатцеть, дружно меж себя живуще Симеон со Евфимием, книгами и правилом друг друга подкрепляюще и веселящеся, живуще оба в подвиге крепко, в посте и молитве. Той же Симеон, плакав по друге своем, сходил во церковь и принес книгу и святую воду. Аз же начах действовать над обуреваемым молитвы Великаго Василия с Симеоном: он мне строил кадило и свещи и воду святую подносил, а прочии держали беснующагося. И егда в молитве речь дошла: «аз ти о имени господни повелеваю, душе немый и глухий, изыди от создания сего и к тому не вниди в него, но иди на пустое место, идеже человек не живет, но токмо бог призирает» *,— бес же не слушает, не идет из брата. И я паки ту же речь в другоряд, и бес еще не слушает, пущи мучит брата. Ох, горе мне! Как молыть? — и сором, и не смею; но по старцову Епифаниеву повелению говорю; сице было: взял кадило, покадил образы и беснова и потом ударился о лавку, рыдав на много час. Восставше, ту же Василиеву речь закричал к бесу: «изыди от создания сего!» Бес же скорчил в кольцо брата и, пружався, изыде и сел на окошко; брат же быв яко

мертв. Аз же покропил ево водою святою; он же, очхняся, перстом мне на беса, седящаго на окошке, показует, а сам не говорит, связавшуся языку его. Аз же покропил водою окошко, и бес сошел в жерновный угол. Брат же и там ево указует. Аз же и там покропил водою, бес же оттоля пошел на печь. Брат же и там указует. Аз же и там тою же водою. Брат же указал под печь, а сам прекрестился. И аз не пошел за бесом, но напоил святою водою брата во имя господне. Он же, воздохня из глубины сердца, сице ко мне проглагола: «спаси бог тебя, батюшко, что ты меня отнял у царевича и двух князей бесовских! Будет тебе бить челом брат мой Аввакум за твою доброту. Да и мальчику тому спаси бог, которой в церковь по книгу и воду ту ходил, пособлял тебе с ними битца. Подобием он что и Симеон же, друг мой. Подле реки Сундовика * меня водили и били, а сами говорят: «нам-де ты отдан за то, что брат твой Аввакум на лошедь променял книгу, а ты-де ея любишь; так-де мне надобе брату поговорить, чтоб книгу ту назад взял, а за нея бы дал деньги двоюродному брату». И я ему говорю: «я,— реку,— свет, брат твой Аввакум». И он мне отвещал: «какой ты мне брат? Ты мне батько; отнял ты меня у царевича и у князей; а брат мой на Лопатищах живет,— будет тебе бить челом». Аз же паки ему дал святыя воды; он же и судно у меня отнимает и съесть хочет,— сладка ему бысть вода! Изошла вода, и я пополоскал и давать стал; он и не стал пить. Ночь всю зимнюю с ним простряпал, маленько я с ним полежал и пошел во церковь заутреню петь; и без меня беси паки на него напали, но лехче прежнева. Аз же, пришед от церкви, маслом ево посвятил, и паки бесы отидоша, и ум цел стал; но дряхл бысть, от бесов изломан: на печь поглядывает и оттоля боится; егда куды отлучюся, а беси и наветовать ему станут. Бился я с бесами, что собаками, недели с три за грех мой, дондеже взял книгу и деньги за нея дал. И ездил к другу своему Илариону игумну: он просвиру вынял за брата; тогда добро жил,— что ныне архиепископ резанской, мучитель стал христианской *. И иным духовным я бил челом о брате, и умолили бога о нас, грешных, и сво-

божден от бесов бысть брат мой. Таково то зло заповеди преступление отеческой! Что же будет за преступление заповеди господня? Ох, да только огонь да мука! Не знаю, дни коротать как! Слабоумием объят и лицемерием и лжею покрыт есмь, братоненавидением и самолюбием одеян, во осуждении всех человек погибаю, и мняся нечто быти, а кал и гной есмь, окаянной — прямое говно! отвсюду воняю — душею и телом. Хорошо мне жить с собаками да со свиниями в конурах: так же и оне воняют, что и моя душа, злосмрадною вонею. Да свиньи и псы по естеству, а я от грехов воняю, яко пес мертвой, повержен на улице града. Спаси бог властей тех, что землею меня закрыли: себе уж хотя воняю, злая дела творяще, да иных не соблажняю. Ей, добро так...

Да и в темницу ту ко мне бешаной зашел, Кирилушко, московской стрелец, караульщик мой. Остриг ево аз, и вымыл, и платье переменил,— зело вшей было много. Замкнуты мы с ним двое жили, а третей с нами Христос и пречистая богородица. Он, миленькой, бывало серет и сцыт под себя, а я ево очищаю. Есть и пить просит, а без благословения взять не смеет. У правила стоять не захочет,— дьявол сон ему наводит, и я постегаю чотками, так и молитву творить станет и кланяется, за мною стоя. И егда правило скончаю, он и паки бесноватися станет. При мне беснуется и шалует, а егда ко старцу пойду посидеть в ево темницу, а ево положу на лавке, не велю ему вставать и благословлю его и, докамест у старца сижу, лежит, не встанет, богом привязан,— лежа беснуется. А в головах у него образы и книги, хлеб и квас и прочая, а ничево без меня не тронет. Как прийду, так встанет, и дьявол, мне досаждая, блудить заставливает. Я закричю, так и сядет. Егда стряпаю, в то время есть просит и украсть тщится до времени обеда; а егда пред обедом «Отче наш» проговорю и благословлю, так тово брашна и не ест, просит неблагословеннова. И я ему силою в рот напехаю, и он и плачет и глотает. И как рыбою покормлю, тогда бес в нем вздивиячится, а сам из него говорит: «ты же-де меня ослабил!» * И я, плакався пред владыкою, опять постом стягну

и окрочю ево Христом. Таже маслом ево освятил, и отрадило ему от беса. Жил со мною с месяц и больши. Перед смертию образумился. Я исповедал ево и причастил, он же и преставился, миленькой, скоро. И я, гроб купя и саван, велел погребсти у церкви; попам сорокоуст дал. Лежал у меня мертвой сутки, и я ночью, востав, помоля бога, благословя ево, мертвова, и с ним поцеловався, опять подле его спать лягу. Таварищ мой миленькой был! Слава богу о сем! Ныне он, а завтра я так же умру...

Да у меня ж был на Москве бешаной,— Филипом звали,— как я из Сибири выехал. В ызбе в углу прикован был к стене, понеже в нем бес был суров и жесток гораздо, бился и дрался, и не могли с ним домочадцы ладить. Егда ж аз, грешный, со крестом и с водою прийду, повинен бывает и, яко мертв, падает пред крестом Христовым и ничево не смеет надо мною делать. И молитвами святых отец сила божия отгнала от него беса, не токмо ум еще несовершен был. Феодор был над ним юродивой приставлен, что на Мезени веры ради Христовы отступники удавили,— Псалтырь над Филиппом говорил и учил ево Исусовой молитве *. А я сам во дни отлучашеся от дому, токмо в нощи действовал над Филиппом. По некоем времени пришел я от Феодора Ртищева зело печален, понеже в дому у него с еретиками шумел много о вере и о законе; а в моем дому в то время учинилося нестройство: протопопица моя со вдовою домочадицею Фетиньею меж собою побранились,— дьявол ссорил ни за што. И я, пришед, бил их обеих и оскорбил гораздо, от печали[1] согрешил пред богом и пред ними. Таже бес вздивиял в Филиппе, и начал чепь ломать, бесясь, и кричать неудобно. На всех домашних нападе ужас, и зело голка бысть велика. Аз же без исправления приступил к нему, хотя ево укротити; но не бысть попрежнему. Ухватил меня и учал бить и драть и всяко меня, яко паучину, терзает, а сам говорит: «попал ты мне в руки!» Я токмо молитву говорю, да без дел не пользует

---

[1] *После этих слов в редакции В:* да и всегда такой я окаянной сердит, дратца лихой. Горе мне за сие! (л. 57/об.).

и молитва. Домашние не могут отнять, а я и сам ему отдался. Вижу, что согрешил: пускай меня бьет. Но,— чюден господь! — бьет, а ничто не болит. Потом бросил меня от себя, а сам говорит: «не боюсь я тебя!» Так мне в то поры горько стало. Бес, реку, надо мною волю взял. Полежал маленько, с совестию собрался. Воставше, жену свою сыскал и пред нею стал прощатца со слезами, а сам ей, в землю кланяясь, говорю: «согрешил, Настасья Марковна,— прости мя, грешнаго!» Она мне также кланяется. Посем и с Фетиниею тем же образом простился. Таже лег среди горницы и велел всякому человеку бить себя плетью по пяти ударов по окаянной спине: человек было с дватцеть,— и жена, и дети, все, плачючи, стегали. А я говорю: «аще кто бить меня не станет, да не имать со мною части во царствии небеснем!» * И оне нехотя бьют и плачют; а я ко всякому удару по молитве. Егда ж все отбили, и я, воставше, сотворил пред ними прощение. Бес же, видев неминучюю, опять вышел вон из Филиппа. И я крестом ево благословил, и он по-старому хорош стал. И потом исцелел божиею благодатиею о Христе Исусе, господе нашем, ему ж слава [1].

А егда я был в Сибири,— туды еще ехал,— и жил в Тобольске, привели ко мне бешанова, Феодором звали. Жесток же был бес в нем. Соблудил в велик день с женою своею, наругая празник,— жена ево сказывала,— да и взбесился. И я, в дому своем держа месяца с два, стужал об нем божеству, в церковь водил и маслом освятил, и помиловал бог: здрав бысть, и ум исцеле. И стал со мною на крылосе петь в литоргию; во время переноса и досадил мне *. Аз в то время, побив его на крылосе, и в притворе, велел пономарю приковать к стене. И он, вышатав пробой, пущи и первова взбесясь, в обедню ушел на двор к большому воеводе и, сундуки разломав, платье княинино на себя вздел, а их розгонял. Князь же, осердясь, многими

[1] В рукописи следующий рассказ отделен пропуском строки.

людьми в тюрьму ево оттащили; он же в тюрьме юзников бедных всех перебил и печь разломал. Князь же велел ево в деревню к жене и детям сослать. Он же, бродя в деревнях, великие пакости творил. Всяк бегает от него. А мне не дадут воеводы, осердясь. Я по нем пред владыкою плакал всегда. Посем пришла грамота с Москвы,— велено меня сослать из Тобольска на Лену, великую реку. И егда в Петров день собрался в дощеник, пришел ко мне Феодор целоумен, на дощенике при народе кланяется на ноги мои, а сам говорит: «спаси бог, батюшко, за милость твою, что помиловал мя. По пустыни-де я бежал третьева дни, а ты-де мне явился и благословил меня крестом, и беси-де прочь отбежали от меня, и я пришел к тебе поклонитца и паки прошу благословения от тебя». Аз же, на него глядя, поплакал и возрадовался о величии божии, понеже о всех нас печется и промышляет господь: ево исцелил, а меня возвеселил! И поуча ево, благословя, отпустил к жене ево и детям в дом. А сам поплыл в ссылку, моля о нем Христа, сына божия-света, да сохранит его и впредь от неприязни. А назад я едучи, спрашивал про него, и мне сказали: «преставился-де, после тебя годы с три живучи християнски с женою и детьми». Ино и добро. Слава богу о сем!

Простите меня, старец с рабом тем Христовым: вы мя понудисте сие говорить. А однако уж розвякался,— еще вам повесть скажу. Как в попах еще был, там же, где брата беси мучили, была у меня в дому <моем>[1] вдова молодая,— давно уж, и имя ей забыл, помнится, Офимьею звали,— ходит и стряпает, и все хорошо делает. Как станем в вечер начинать правило, так ея бес ударит о землю, омертвеет вся, яко камень станет, и не дышит, кажется,— ростянет ея среди горницы, и руки и ноги,— лежит яко мертва. И я, «О всепетую»* проговоря, кадилом покажу, потом крест положу ей на голову и молитвы Василиевы в то время говорю: так голова под крестом и свободна станет, баба и заговорит; а руки и ноги и тело еще мертво и каменно. И я по руке поглажу крестом, так и рука сво-

[1] Слово вписано рукой Епифания.

бодна станет; я — и по другой, и другая так же освободится; я — и по животу, так баба и сядет. Ноги еще каменны. Не смею туды крестом гладить,— думаю, думаю,— и ноги поглажу: баба и вся свободна станет. Вставше, богу помолясь, да и мне челом. Прокуда-таки — ни бес, ни што был в ней, много времени так в ней играл. Маслом ея освятил, так вовсе отшел прочь: исцелела, дал бог. А иное два Василия у меня бешаные бывали прикованы,— странно и говорить про них: кал свой ели.

А еще сказать ли тебе, старец, повесть? Блазновато, кажется,— да было так. В Тобольске была у меня девица, Анною звали, дочь мне духовная, гораздо о правиле прилежала о церковном и о келейном и вся мира сего красоту вознебрегла. Позавиде диявол добродетели ея, наведе ей печаль о первом хозяине своем Елизаре, у него же взросла, привезена из полону из кумыков. Чистотою девство соблюла, и, егда исполнилася плодов благих, дьявол окрал; захотела от меня отити и за первова хозяина замуж пойти, и плакать стала всегда. Господь же пустил на нея беса, смиряя ея, понеже и меня не стала слушать ни в чем и о поклонех не стала радеть. Егда станем правило говорить, она на месте станет, прижав руки, да так и простоит. Виде бог противление ея, послал беса на нея: в правиле стоящу ей, да и взбесится. И мне, бедному, жаль: крестом благословлю и водою покроплю, так и отступит от нея бес. И многажды так бысть. Она же единаче в безумии своем и непокорстве пребывает. Благохитрый же бог инако ея наказал: задремала в правило, да и повалилась на лавке спать, и три дни и три ночи не пробудяся спала. А лишо ея по времяном кажу, спящую: тогда-сегда дохнет. Чаю, умрет. И в четвертый день очхнулась; села, да плачет; есть ей дают — не ест. Егда я правило канонное скончав и домочадцов, благословя, роспустил, паки начах во тьме без огня поклоны класть; она же с молитвою втай приступила ко мне и пала на ноги мои; и я, от нея отшед, сел за столом. И она, приступя паки к столу и плачючи, говорит: «послушай, государь, велено тебе сказать». Я стал слушать у нея. «Егда-де я в правило задремала и повалилась, при-

ступили ко мне два ангела и взяли меня и вели меня тесным путем. И на левой стране слышала плач, и рыдание, и гласы умиленны. Потом-де меня привели во светлое место, зело гораздо красно, и показали-де многие красные жилища и полаты; и всех-де краше полата, неизреченною красотою сияет паче всех и велика гораздо. Ввели-де меня в нея; ано-де стоят столы, и на них послано бело, и блюда с брашнами стоят. По конец-де стола древо кудряво повевает и красотами разными украшено; в древе-де том птичьи гласы слышала я, а топерва-де не могу про них сказать, каковы умильны и хороши! И подержав-де меня, паки из полаты повели, а сами говорят: знаешь ли, чья полата сия? И аз-де отвещала: не знаю, пустите меня в нея. Оне же отвещали: отца твоего, протопопа Аввакума, полата сия. Слушай ево и живи так, как он тебе наказывает персты слагать, и креститца, и кланятца, богу молясь, и во всем не протився ему, так и ты будешь с ним здесь. А буде не станешь слушать, так будешь в давешнем месте, где плакание то слышала. Скажи жо отцу своему. Мы не беси водили тебя; смотри: у нас папарты; беси-де не имеют тово. И я-де, батюшко, смотрила,— бело у ушей тех их». Да и поклонилася мне, прощения прося. Потом паки исправилася во всем. Егда меня сослали из Тобольска, и я оставил ея у сына духовнаго тут. Хотела пострищися, а дьявол опять сделал по-своему: пошла за Елизара замуж и деток прижила. И по осьми летех услышала, что я еду назад, отпросилася у мужа и постриглася. А как замужем была, по временам бог наказывал,— бес мучил ея. Егда ж аз в Тоболеск приехал, за месяц до меня постриглася и принесла ко мне два детища и, положа предо мною робятишок, плакала и рыдала, кающеся, бесстыдно порицая себя. Аз же, пред человеки смиряя ея, многажды на нея кричал; она же прощается в преступлении своем, каяся пред всеми. И егда гораздо ея утрудил, тогда совершенно простил. В обедню за мною в церковь вошла. И нападе на нея бес во время переноса,— учала кричать и вопить, собакою лаять, и козою блекотать, и кокушкою коковать. Аз же сжалихся об ней: покиня херуви[м]скую петь, взяв-

ше от престола крест и, на крылос взошед закричал: «запрещаю ти именем господним; полно, бес, мучить ея! Бог простит ея в сий век и в будущий!» Бес же изыде из нея. Она же притече ко мне и пала предо мною за ню же вину. Аз же крестом ея благословя, и с тех мест простил, и бысть здрава душею и телом. Со мною и на Русь выехала. И как меня стригли, в том году страдала с детьми моими от Павла митрополита на патриархове дворе веры ради и правости закона. Довольно волочили и мучили ея. Имя ея во иноцех Агафья.

Ко мне же, отче, в дом принашивали матери деток своих маленьких, скорбию одержимы[х] грыжною; и мои детки егда скорбели во младенчестве грыжною болезнию, и я маслом священным, с молитвою презвитерскою, помажу вся чювства и, на руку масла положа, младенцу спину вытру и шулнятка, и божиею благодатию грыжная болезнь и минуется во младенце. И аще у коего отрыгнет скорбь, и я так же сотворю, и бог совершенно исцеляет по своему человеколюбию.

А егда еще я был попом, с первых времен, как к подвигу касатися стал, бес меня пуживал сице. Изнемогла у меня жена гораздо, и приехал к ней отец духовной; аз же из двора пошел по книгу в церковь нощи глубоко, по чему исповедать ея. И егда на паперть пришел, столик до тово стоял, а егда аз пришел, бесовским действом скачет столик на месте своем. И я, не устрашась, помолясь пред образом, осенил рукою столик и, пришед, поставил ево, и перестал играть. И егда в трапезу вошел, тут иная бесовская игра: мертвец на лавке в трапезе во гробу стоял, и бесовским действом верхняя роскрылася доска, и саван шевелитца стал, устрашая меня. Аз же, богу помолясь, осенил рукою мертвеца, и бысть по-прежнему все. Егда ж в олтарь вошел, ано ризы и стихари летают с места на место, устрашая меня. Аз же, помоляся и поцеловав престол, рукою ризы благословил и пощупал, приступая, а оне по-старому висят. Потом, книгу взяв, из церкви пошел. Таково-то ухищрение бесовское к нам! Да полно тово говорить. Чево крестная сила и священное масло над бешаными и боль-

ными не творит благодатию божиею! Да нам надобе помнить сие: не нас ради, ни нам, но имени своему славу господь дает. А я, грязь, что могу сделать, аще не Христос? Плакать мне подобает о себе. Июда чюдотворец был, да сребролюбия ради ко дьяволу попал. И сам дьявол на небе был, да высокоумия ради свержен бысть. Адам был в раю, да сластолюбия ради изгнан бысть и пять тысящ пятьсот лет во аде был осужден *. Посем разумея всяк, мняйся стояти, да блюдется, да ся не падет. Держись за Христовы ноги и богородице молись и всем святым, так будет хорошо... [1]

---

[1] *В редакции В последнего абзаца нет.* Вместо него следует рассказ о борьбе Аввакума с бесами («О жертве никонианской») и статья «О причастии», после чего читаем:

Еще тебе скажу, старец, повесть. Как я был в Даурах с Пашковым с Афонасьем на озере Иргене, гладны гораздо, а рыбы никто добыть не может, а инова и ничево нет; от глада исчезаем. Помоляся бога, взяв две сети, в протоке перекидал, наутро пришел, ано мне бог дал шесть язей да две щуки: ино во всех людях дивно, потому никто ничево не может добыть. На другие сутки рыб с десять мне бог дал. Тут же сведав Пашков и исполняся зависти, сбил меня с тово места и свои ловушки на том месте велел поставить, а мне на смех и ругаясь, указал место на броду, где коровы и козы бродят. Человеку воды по лодышку,— какая рыба? и лягушек нет! Тут мне зело было горько, а се, подумав, рече: «владыко человеколюбче, не вода дает рыбу,— ты вся промыслом своим, спасе наш, строишь на пользу нашу. Дай мне рыбки той на безводном том месте, посрами дурака тово, прослави имя твое святое, да не рекут невернии, где есть бог их». И помоляся, взяв сети, в воде с детьми бродя, положили сети. Дети, на меня, бедные, кручиняся, говорят: «батюшко, к чему гноить сети-те? Видишь ли, и воды нету, какой быть рыбе?» Аз же, не послушав их совету, на Христа уповая, сделал так, как захотелось. И наутро посылаю детей к сетям. Оне же отвещали: «батюшко государь, пошто итти? какая в сетях рыба? благослови нас, и мы по дрова лутче сбродим». Меня же дух подвизает, чаю в сетях рыбу. Огорчась на большова сына Ивана, послал ево одново по дрова, а с меньшим потащился к сетям сам. Гораздо о том Христу докучаю. Егда пришли, ино и чюдно и радостно обрели: полны сети напехал бог рыбы, свившися клубом, и лежат с рыбою о середке. И сын мой Прокопей закричал: «батюшко государь, рыба, рыба!» И аз ему отвещал: «постой, чадо, не тако подобает, но прежде поклонимся господу богу и тогда пойдем в воду». И, помолясь, вытащили на берег рыбу, хвалу воссылая Христу богу, и, паки построя сети на том же месте, рыбу

Ну, старец, моево вяканья много веть слышал. О имени господни повелеваю ти, напиши и ты рабу тому Христову *, как богородица беса тово в руках тех мяла и тебе отдала, и как муравьи те тебя ели за тайно-ет уд, и как бес-от дрова те сожег, и как келья та обгорела, а в ней цело все, и как ты кричал на небо то, да иное, что вспомнишь во славу Христу и богородице. Слушай же, что говорю: не станешь писать, я петь осержусь. Любил слушать у меня, чево сороmитца,— скажи хотя немношко! Апостоли Павел и Варнава на соборе сказывали же во Еросалиме пред всеми, *елика сотвори бог знамения и чю-*

насилу домой оттащили. Наутро пришли опять, столько же рыбы, на третей день паки столько же рыбы; и слезно и чюдно то было время, а на прежнем нашем месте ничево Пашкову не дает бог рыбы. Он же, исполняяся зависти, паки послал ночью и велел сети мои в клочки изорвати. Что петь с дураком делаешь! Мы, собрав рваные сети, починя втай, на ином месте промышляя рыбу, кормились, от нево таяся, и сделали ез. Бог же и там стал рыбы давать, а дьявол ево научил и ез велел втай раскопать. Мы, терпя Христа ради, опять починили, и много тово было. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веком.

Терпение убогих не погибнет до конца.

Слушай-ко, старец: еще ходил я на Шакшу * озеро к детям по рыбу,— от двора верст с пятнатцеть, там с людьми промышляли,— в то время как лед треснул и меня напоил бог, и у детей накладше рыбы нарту большую, и домой потащил маленьким детям после Рождества Христова и, егда буду насреди дороги, изнемог, тащя по земле рыбы, понеже снегу там не бывает, токмо морозы велики; ни огня, ничево нет, ночь постигла, выбился из силы, вспотел, и ноги не служат. Верст с восьмь до двора: рыба покинуть и так побрести — ино лисицы разъедят, и домашние гладны; все стало горе, а тащить не могу; потаща гоны места, ноги задрожат, да и паду в лямке среди пути ниц лицем, что пьяной; и озябше, встав, еще попойду столько ж и паки упаду; бился так много, блиско полуночи; скиня с себя мокрое платье, вздел на мокрую рубаху сухую, тонкую тафтяную белую шубу и взлез на вершину древа — уснул, поваляся. Пробудился,— ино все замерзло: безлуки на ногах замерзли, шубенко тонко, и живот озяб весь; увы, Аввакум, бедная сиротина, яко искра огня, угасает и яко неплодное древо, посекаемо бывает,— только смерть пришла. Взираю на небо и на сияющия звезды, тамо помышляю владыку, а сам и перекреститися не смогу, весь замерз; помышляю лежа: «Христе, свете истинный, аще не ты меня от безгодняго сего и нечаемаго времени избавишь, нечева мне стало делать; яко червь, исчезаю». А се согреяся сердце мое во мне, ринулся с места паки

деса во языцех с нима, в Деяниих, зач. 36 и 42 зач., *и величашеся имя господа Исуса. Мнози же от веровавших прихождаху исповедующе и сказующе дела своя* *. Да и много тово найдется во Апостоле и в Деяниих. Сказывай, небось, лише совесть крепку держи; не себе славы ища, говори, но Христу и богородице. Пускай раб-от Христов веселится, чтучи! Как умрем, так он почтет, да помянет пред богом нас. А мы за чтущих и послушающих станем бога молить; наши оне люди будут там у Христа, а мы их во веки веком. Аминь.

к нарте и на шею, не помню как, взложил лямку, опять потащил; ино нет силки; еще версты с четыре до двора,— покинул, и нехотя, все; побрел один, тащился с версту, да и повалился: только не смогу; полежав, еще хощу побрести, ино ноги обмерзли: не смогу подымать, ножа нет, базлуков отрезать от ног нечем; на коленях и на руках полз с версту; колени озябли: не могу владеть, опять лег; уже двор и не само далеко, да не могу попасть, на гузне помаленьку ползу,— кое-как и допоз до своея конуры; у дверей лежу, промолвить не могу, а отворить дверей не могу же. Ко утру уже встали; уразумев, протопопица втащила меня, бытто мертвова, в ызбу; жажда мне велика,— напоила меня водою, разболокши. Два ей горя, бедной, в ызбе стало: я да корова немощная,— только у нас и животов было,— упала на воде под лед; изломався, умирает, в ызбе лежа; в дватцети в пяти рублях сия нам пришла корова, робяткам молочка давала. Царевна Ирина Михайловна * ризы мне с Москвы и всю службу в Тоболеск прислала, и Пашков на церковной обиход взяв, мне в то число коровку ту было дал: кормила с робяты год-другой; бывало, и с сосною, и с травою молочка тово хлебнешь, так лехче на брюхе. Плакав, жена бедная с робяты зарезала корову и истекшу кровь из коровы дала найму казаку, и он приволок мою с рыбою нарту (л. 65—68).

ИЗДАТЕЛЬСТВО „АРДИС”

КАТАЛОГ. Литературный альманах (1982)
И. Бродский, НОВЫЕ СТАНСЫ К АВГУСТЕ (1982)
И. Бродский, КОНЕЦ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ (1977)
А. Цветков, СБОРНИК ПЬЕС ДЛЯ ЖИЗНИ СОЛО (1978)
В. Уфлянд, ТЕКСТЫ (1978)
Э. Лимонов, РУССКОЕ. СТИХИ (1978)
С. Довлатов, НЕВИДИМАЯ КНИГА (1978)
В. Аксенов, ОЖОГ (1980)
А. Ахматова, СТИХИ, ПЕРЕПИСКА, ИКОНОГРАФИЯ (1977)
С. Есенин, ИЗБРАННОЕ (1979)
М. Зощенко, РАССКАЗЫ (1979)
З. Гиппиус, ПИСЬМА К ХОДАСЕВИЧУ (1978)
В. Набоков, ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧОРБА (1978)
В. Набоков, КАМЕРА ОБСКУРА (1978)
В. Набоков, ЛОЛИТА (1975)
В. Набоков, СТИХИ (1979)
В. Набоков, КОРОЛЬ, ДАМА, ВАЛЕТ (1978)
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАРОДИЯ (1982)
Н. Гумилев, ОГНЕННЫЙ СТОЛП (1977)
Н. Гумилев, КОСТЕР (1979)
СТРЕЛЕЦ № 1 (1978)
Н. Евреинов, САМОЕ ГЛАВНОЕ, пьеса (1979)
Е. Попов, ВЕСЕЛИЕ РУСИ (1981)
Ф. Берман, РЕГИСТРАТОР (1982)
Р. Орлова, ВОСПОМИНАНИЯ О НЕПРОШЕДШЕМ ВРЕМЕНИ (1982)
И. Бабель, БЛУЖДАЮЩИЕ ЗДЕЗДЫ (1981)
А. Ахматова, АННО ДОМИНИ (1977)
М. Кузмин, ЗАНАВЕШАННЫЕ КАРТИНКИ (1972)
А. Блок, ДВЕНАДЦАТЬ, Иллюстр. Анненкова (1972)
Н. Заболоцкий, СТОЛБЦЫ (1977)
В. Иванов / М. Гершензон, ПЕРЕПИСКА МЕЖДУ ДВУХ УГЛОВ
М. Булгаков, ДЬЯВОЛИАДА (1977)
В. Набоков, ВЕСНА В ФИАЛЬТЕ (1978)
В. Набоков, ПНИН (1982)
В. Набоков, ДРУГИЕ БЕРЕГА (1978)
Ю. Кублановский, ИЗБРАННОЕ (1981)
Н. Горбаневская, НАУКА РАССТАВАНЬЯ (1982)
Б. Вахтин, ДВЕ ПОВЕСТИ (1982)
И. Варламова, МНИМАЯ ЖИЗНЬ (1979)
В. Марамзин, ТЯНИТОЛКАЙ (1981)
Ю. Алешковский, НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (1980)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „АРДИС"

А. Пушкин, ПУТЕШЕСТВИЕ В АРЗРУМ (1977)
В. Набоков, БЛЕДНЫЙ ОГОНЬ (1982)
В. Набоков, ЗАЩИТА ЛУЖИНА (1978)
Л. Карроль, АНЯ В СТРАНЕ ЧУДЕС (перевод В. Набокова), 1982
М. Булгаков, СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В 10-и ТОМАХ (1982-)
НЕИЗДАННЫЙ БУЛГАКОВ (1977)
А. Ахматова, БЕЛАЯ СТАЯ (1979)
М. Кузмин, КРЫЛЬЯ (1979)
М. Кузмин, ВОЖАТЫЙ (1979)
Б. Пастернак, ТЕМЫ И ВАРЬЯЦИИ (1972)
В. Маяковский, ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ — ТРАГЕДИЯ (1974)
НИКОЛАЙ ЕВРЕИНОВ — ФОТОБИОГРАФИЯ (1981)
МАРИНА ЦВЕТАЕВА — ФОТОБИОГРАФИЯ (1980)
А. Белый, ПОЧЕМУ Я СТАЛ СИМВОЛИСТОМ (1982)
А. Платонов, ШАРМАНКА, пьеса (1977)
В. Хлебников, ЗАНГЕЗИ (1978)
А. Введенский, ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ (1980)
М. Цветаева, ЛЕБЕДИНЫЙ СТАН (1980)
Г. Газданов, ВЕЧЕР У КЛЭР (1978)
С. Парнок, СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ (1978)
Ю. Олеша, ЗАВИСТЬ (1977)
Ф. Сологуб, МЕЛКИЙ БЕС (1979)
К. Вагинов, ПУТЕШЕСТВИЕ В ХАОС (1973)
Б. Томашевский, ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ (1972)
В. Шкловский, ТЕОРИЯ ПРОЗЫ (1972)
Е. Замятин, ОСТРОВИТЯНЕ (1979)
Е. Замятин, НЕЧЕСТИВЫЕ РАССКАЗЫ (1978)
Б. Пильняк, ГОЛЫЙ ГОД (1979)
Л. Шестов, НАЧАЛА И КОНЦЫ (1978)
И. Ермаков, ЭТЮДЫ ПО ПСИХОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА
ПУШКИНА (1981)
А. Воронский, СТАТЬИ (1981)
А. Амальрик, ЗАПИСКИ ДИССИДЕНТА (1982)
М. Михайлов, ПЛАНЕТАРНОЕ СОЗНАНИЕ, статьи (1982)
Л. Копелев, И СОТВОРИЛ СЕБЕ КУМИРА (1978)
Л. Копелев, ДЕРЖАВА И НАРОД (1982)
Л. Копелев, ХРАНИТЬ ВЕЧНО (1975)
Л. Белозерская, О, МЕД ВОСПОМИНАНИЙ (Булгаков), 1977
В. Войнович, ИВАНЬКИАДА (1976)
В. Аксенов, ЗОЛОТАЯ НАША ЖЕЛЕЗКА (1979)
А. Битов, ПУШКИНСКИЙ ДОМ (1978)
Саша Соколов, ШКОЛА ДЛЯ ДУРАКОВ (1976)

Издательство „Ардис"

Владимир Набоков, ДАР
Владимир Набоков, ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ
Владимир Набоков, БЛЕДНЫЙ ОГОНЬ
Владимир Набоков, ЛОЛИТА
Саша Соколов, ШКОЛА ДЛЯ ДУРАКОВ
Саша Соколов, МЕЖДУ СОБАКОЙ И ВОЛКОМ
Андрей Битов, ПУШКИНСКИЙ ДОМ

Фазиль Искандер, САНДРО ИЗ ЧЕГЕМА
Фазиль Искандер, КРОЛИКИ И УДАВЫ
Василий Аксенов, ОЖОГ
Василий Аксенов, ОСТРОВ КРЫМ
Владимир Войнович, ИВАНЬКИАДА
Булат Окуджава, 65 ПЕСЕН
Иосиф Бродский, ЧАСТЬ РЕЧИ
Семен Липкин, ВОЛЯ
Алексей Цветков, СОСТОЯНИЕ СНА

Лев Копелев, ХРАНИТЬ ВЕЧНО
МЕТРОПОЛЬ. Литературный альманах
ГЛАГОЛ № 1, № 2, № 3. Литературный альманах
ЦВЕТАЕВА: ФОТОБИОГРАФИЯ
Марина Цветаева, ВЕРСТЫ
Марина Цветаева, ЛЕБЕДИНЫЙ СТАН

Осип Мандельштам, ЕГИПЕТСКАЯ МАРКА
Осип Мандельштам, КАМЕНЬ
Осип Мандельштам, ВОРОНЕЖСКИЕ ТЕТРАДИ
Анна Ахматова, ЧЕТКИ
Анна Ахматова, ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ
Михаил Кузмин, ФОРЕЛЬ РАЗБИВАЕТ ЛЕД
Владислав Ходасевич, ТЯЖЕЛАЯ ЛИРА
Владислав Ходасевич, СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Борис Пастернак, СЕСТРА МОЯ ЖИЗНЬ
Андрей Белый, СЕРЕБРЯНЫЙ ГОЛУБЬ
Федор Сологуб, МЕЛКИЙ БЕС
Евгений Замятин, СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Андрей Платонов, КОТЛОВАН